

Фриш Макс

Дон Жуан, или любовь к геометрии

Комедия в пяти действиях

Перевод К. Богатырева

Действующие лица

Дон Жуан.

Тенорио его отец.

Миранда.

Дон Гонсало командор Севильи.

Донна Эльвира его жена.

Донна Анна их дочь.

Отец Диего.

Дон Родериго друг Дон Жуана.

Донна Инес.

Селестина сводница.

Дон Бальтасар Лопес супруг.

Лепорелло.

Вдовы Севильи.

Трое бьющихся на шпагах кузенов.

Маски, женщины, девушки, мальчики, трубачи, музыканты, стражники, слуга.

Место действия - театрализованная Севилья.

Время действия - эпоха красивых костюмов.

АКТ ПЕРВЫЙ

Перед замком.

Ночь. Музыка. Молодой человек крадется вверх по лестнице, чтобы с террасы наблюдать за происходящим в замке. Крик павлина. Кто-то входит на террасу, и молодой человек прячется за колонну.

Донна Эльвира. Дон Жуан! Дон Жуан!

Донна Инес. Здесь никого нет.

Донна Эльвира. Его конь в конюшне.

Донна Инес. Не может быть, Донна Эльвира. Что человеку делать в такой темноте? Я и так озябла, а от этих павлиньих криков и вовсе мороз по коже проходит.

Донна Эльвира. Дон Жуан! Дон Жуан!

Донна Инес. Пальмы на ветру... Звенят, как шпаги о каменные ступени. Мне это знакомо, донна Эльвира, - я это каждую ночь слышу, как только подхожу к окну: шелест пальм и ничего больше.

Донна Эльвира. Он здесь, я знаю. Его конь в конюшне.

Они исчезают. Молодой человек выходит из-за колонны, чтобы взглянуть в окно. Но тут же вновь прячется: с противоположной стороны входят старик и толстый священник.

Тенорио. Вы говорите: терпеть. Легко сказать, Отец Диего. А если этот олух вообще не явится? Ведь полночь уже. Терпеть! Вы уж не защищайте моего сына. Он просто бессердечный, весь в мать. Холодный как камень. Чтобы человек в двадцать лет говорил, что женщины его не интересуют... Непостижимо! Но самое ужасное, отец Диего, - он не врет. Говорит что думает. Его возлюбленная - геометрия. Это он мне прямо в глаза заявил. Сколько я из-за него пережил! Вы же сами говорите, что его имя не упоминают ни в одной исповеди. И это называется мой сын, единственный сын, продолжатель рода, так сказать. В двадцать лет не знать женщин... Что вы на это скажете, отец Диего?

Отец Диего. Потерпите.

Тенорио Вы ведь знаете Селестину...

Отец Диего. Тсс...

Тенорио Самая знаменитая сводня Испании. В числе ее клиентов даже епископы, только сына моего среди них нет. А сколько ей денег от меня перепало! Он ведь изредка посещает публичный дом. Но знаете, чем он там занимается? Играет в шахматы! Собственными глазами видел. В шахматы!

Отец Диего. Тише, Тенорио!

Тенорио Женщины его не интересуют!

Отец Диего. Сюда идут.

Тенорио. Ей-богу, он меня на тот свет спровадит. Уверяю вас, отец Диего, я умру от разрыва сердца.

Входит дон Гонсало, командор.

Отец Диего. Он здесь?

Дон Гонсало. Но еще нет двенадцати.

Тенорио. Дон Гонсало, командор Севильи, пожалуйста, не думайте плохо о моем сыне. Ведь Дон Жуан - мой единственный сын. Он будет заботливым зятем, вот только бы он здесь появился. Я просто не верю, чтобы он мог забыть о дне свадьбы. Просто не верю.

Дон Гонсало. У юноши позади долгий путь и трудные дни. Я не думаю плохо о вашем сыне. Он великолепно сражался.

Тенорио. Правда?

Дон Гонсало. Я не лъщу вам как отцу. Я просто сообщаю о том, чего никогда ее забудет история нашего отечества. Он - герой Кордовы.

Тенорио Вот уж никогда бы не поверил!

Дон Гонсало. Откровенно говоря, я тоже. Мои шпионы очень плохо о нем отзывались. Утверждали, что он над всеми издевается, в том числе надо мной.

Тенорио Какой ужас!

Дон Гонсало. Я однажды вызвал его в мой шатер. "Зачем, - спросил я его с глазу на глаз, - мы ведем этот крестовый поход?" Он улыбнулся - и только. Тогда я спросил его: "За что мы ненавидим неверных?"

Тенорио И что же он вам ответил?

Дон Гонсало. Что не питает к ним ненависти.

Тенорио Какой ужас!

Дон Гонсало. Напротив, сказал он, у них есть чему поучиться. В другой раз я увидел его под пробковым деревом. Он лежа читал книгу. Арабскую.

Тенорио. Я знаю, это была геометрия, черт бы ее побрал.

Дон Гонсало. Я спросил его, зачем он ее читает.

Тенорио. О господи! Что же он ответил?

Дон Гонсало. Улыбнулся - и только.

Тенорио. Какой ужас!

Дон Гонсало. Не буду отрицать, отец Тенорио, его улыбки выводили меня из себя. И уж вовсе непостижимо, как ему удалось выполнить мой приказ, когда я послал его в Кордову измерить длину вражеской крепости. Я не думал, что он отважится. Мне просто хотелось, чтобы у него пропала охота улыбаться и чтобы он, наконец, воспринял меня всерьез. На следующее утро я глазам своим не поверил: он целым и невредимым вошел в мой шатер с бумагой в руке. В ней черным по белому было сказано: длина крепости - девятьсот сорок два фута.

Тенорио. Как он это сделал?

Дон Гонсало. "Дон Жуан Тенорио, - сказал я и обнял его на глазах у всех офицеров, не способных на подобный подвиг. - Прежде я недостаточно ценил тебя, но с этой минуты объявляю тебя своим сыном, женихом моей Анны, кавалером испанского Креста и героем Кордовы".

Музыка.

Тенорио Как же все-таки ему это удалось?

Дон Гонсало. Я тоже его спросил.

Тенорио. Что же он ответил?

Дон Гонсало. Улыбнулся - и только.

Донна Эльвира (входя с масками в руке). Маскарад начался. (Делает под музыку несколько па.) Там уже танцуют.

*Я женицина
И пруд под луной в эту ночь.
Ты мужчина
И луна отразилась в пруду.
Покуда темно,
Мы слиты в одно
Любовью слепых
И я - не невеста, и ты - не жених.*

Отец Диего. Мы ждем жениха.

Донна Эльвира. Жених здесь!

Тенорио Мой сын?

Донна Эльвира. Его конь в конюшне. Я видела его издалека, но ваш сын, отец Тенорио, - самый изящный всадник из всех, кто когда-либо соскакивал с коня. Гоп! - и он уже на земле. Как птица спорхнул!

Дон Гонсало. Где донна Анна?

Донна Эльвира. Я - мать невесты, а чувствую себя невестой больше, чем дочь. Только мы одни еще без масок. Надеюсь, он не примет меня за невесту. И тебе, мой супруг, надо надеть маску. Обряд есть обряд. И прошу вас - не будем называть друг друга по имени, иначе что толку от маскарада.

Входит парочка в масках.

Она. Конечно же, это ты. Клянусь жизнью, что это ты. Дай взглянуть на твои руки.

Он. Ты ошибаешься.

Она. Ни у кого нет таких рук, как у тебя.

Он. Нас услышат.

Дон Гонсало и Тенорио надевают маски.

Дон Гонсало. Пойдем.

Дон Гонсало и Тенорио уходят.

Донна Эльвира. На два слова, отец Диего!

Парочка в масках целуется.

Отец Диего. Кто эти бесстыдники? Ее голос мне знаком. Уверен, что это Миранда!

Донна Эльвира. Вам следовало бы поговорить с ней.

Отец Диего. С Мирандой? Шлюхой? В этом замке?

Донна Эльвира. С донной Анной.

Парочка целуется.

Бедное дитя! Она просто помешалась от счастья. Вся дрожит и прячется от страха, как только узнала, что он вернулся.

Отец Диего. Самый изящный всадник из всех, кто когда-либо соскакивал с коня. Гоп! - и он уже на земле. Как птица спорхнул!

Донна Эльвира. Диего!

Отец Диего. Что еще?

Донна Эльвира. Почему так мрачно?

Отец Диего. Если бы испанская церковь не свихнулась на идее всеобщего благоденствия, поглотившей десятую часть всех подаяний, наш брат тоже научился бы соскакивать с коня. Вместо этого нам приходится сползать с осла.

Донна Эльвира. Диего!

Отец Диего. Ну что?

Донна Эльвира. Я никогда не клялась блюсти мою неверность. Отец Диего, останемся друзьями. Ты, видимо, забыл, что я замужем, мой милый. И если,

не дай бог, я когда-нибудь влюблюсь в юношу, то единственным обманутым будет мой муж, а не ты.

Отец Диего. Эльвира!

Донна Эльвира. Запомни это, мой друг, раз и навсегда.

Отец Диего. Тсс!..

Донна Эльвира. Пойдем к донне Анне.

Донна Эльвира и отец Диего уходят. На сцене остается парочка в масках и молодой человек, спрятавшийся за колонной.

Она. Ошибаюсь! Не стыдно тебе так говорить? Ведь тогда все, что происходит между мужчиной и женщиной, - сплошная ошибка. Думаешь, я не узнала твоего поцелуя? Я же тебя нашла! Почему ты не признаешься? Думаешь, твоя маска меня обманет? Придется снять свою, чтобы ты меня узнал. Но меня выбросят на улицу, если увидят... (Снимает маску.)

Он. Миранда?

Миранда. Да. Для них - шлюха.

Он. Как ты решилась?

Миранда. Я люблю тебя. Вот и решилась и отыскала тебя среди сотни других. Я люблю тебя. Чего же ты испугался? Ну да, они обнимали меня. Только их объятия дырявые, как решето - ничего не держат. Один ты меня удержал. Что же ты молчишь? Помнишь, ты говорил, что не знал ни одной женщины? Я тогда рассмеялась, а ты обиделся. Но ты меня не так понял. А потом мы играли в шахматы...

Он. В шахматы?

Миранда. Тут-то меня и поразили твои руки.

Он. Я не играю в шахматы.

Миранда. Я тогда рассмеялась, потому что поняла, что ты соображаешь больше всех мужчин, вместе взятых. Мы играли в шахматы, и я видела: ты

единственный мужчина, у которого хватает смелости делать то, что хочется, даже в публичном доме.

Он. Меня зовут Дон Родериго.

Миранда. Как бы не так!

Он. Что тут смешного?

Миранда. Дон Родериго! Ты издеваешься надо мной, потому что знаешь, что он меня тоже обнимал. Дон Родериго... Я его знаю, как и всех остальных. Они ничем не отличаются друг от друга, только именем. Я часто удивляюсь, как они сами себя узнают. Все на одно лицо. Даже когда молчат или обнимают женщин. Боже, как они все скучны, твой дон Родериго, например. Тебе не понять, насколько ты не похож на них. Поэтому я тебе это и говорю.

Он. А если я все же дон Родериго? Хочешь, я поклянусь тебе в том всеми святыми?

Миранда. Тогда я посмеюсь над доном Родериго и его святыми. Я не отпущу твоих рук. Я их узнала. Позволь мне поцеловать их. Эти руки вознесут меня к себе самой, потому что они могут принадлежать только одному человеку на свете - Дон Жуану.

Он. Дон Жуану?

Миранда целует его руки.

Вот он где, взгляни! (Показывает на молодого человека, только что вышедшего из-за колонны, за которой он прятался.)

Миранда, узнав его, кричит не своим голосом. В тот же миг на сцену под звуки полонеза входят маски. Подхватив Миранду, они исчезают.

(Снимает маску.) Жуан, откуда ты взялся?

Дон Жуан. Послушай меня.

Дон Родериго. Что ты шатаешься по парку? Тебя все ждут, друг мой, все спрашивают, где жених. Почему ты не идешь к ним?

Дон Жуан. Родериго, у меня к тебе просьба. Выполни ее - не в службу, а в дружбу. Для тебя это пустяк, а для меня - вопрос жизни. Я вдруг понял: здесь сегодня ночью решится моя судьба. Я уже целый час это знаю, но ничего не могу поделать. Не могу, понимаешь? Все зависит от какой-то дурацкой лошади. Судьба целой жизни, просто ужасно. Помоги мне, Родериго!

Дон Родериго. Ни слова не понял.

Дон Жуан. Приведи мне коня из конюшни.

Дон Родериго. Зачем?

Дон Жуан. Мне надо уехать.

Дон Родериго. Уехать?

Дон Жуан. Пока я еще свободен...

Смех в замке.

(Отводит друга за плечо в неосвещенную часть авансцены.)

Мне страшно, Родериго...

Дон Родериго. Тебе, герою Кордовы?

Дон Жуан. Оставь эти глупости.

Дон Родериго. Вся Севилья только и говорит о твоём мужестве.

Дон Жуан. Я знаю, они всерьез поверили, что я подкрался к Кордове, чтобы обмерить крепость, и что рисковал жизнью ради их крестового похода.

Дон Родериго. Разве ты не делал этого?

Дон Жуан. За кого ты меня принимаешь?

Дон Родериго. Не понимаю...

Дон Жуан. Геометрия для начинающих, Родериго. Но даже если я это начерчу на песке, они все равно ничего не поймут, эти господа. Вот они и болтают о чудесах и о Провидении, когда наши пушки наконец попадают в

цель, и злятся, когда я смеюсь. (В страхе оглядывается по сторонам.)
Родериго...

Дон Родериго. Чего ты боишься?

Дон Жуан. Я не в силах ее видеть.

Дон Родериго. Кого?

Дон Жуан. Я понятия не имею, как она выглядит.

Дон Родериго. Донна Анна?

Дон Жуан. Понятия не имею... Я проскакал весь день. Я тосковал по ней. Я ехал все медленней. Мог бы уже давно быть здесь. А когда увидел стены Севильи, спрятался за колодцем и сидел там, пока не стемнело. Родериго, давай поговорим начистоту.

Дон Родериго. Конечно.

Дон Жуан. Как ты узнаешь, кого ты любишь?

Дон Родериго. Дорогой Жуан...

Дон Жуан. Отвечай!

Дон Родериго. Не понимаю тебя...

Дон Жуан. Я сам себя не понимаю, Родериго. Там, отражаясь в темной воде колодца... ты прав, Родериго, все это очень странно... я думал, что люблю...

Крик павлина.

Что это?

Крик павлина.

Я люблю. Но только кого?

Дон Родериго. Донну Анну, свою невесту.

Дон Жуан. Понимаешь, не могу вспомнить, как она выглядит.

Пробегают веселящиеся маски.

Она была среди них?

Дон Родериго. Невеста не носит маску. Ты просто помешался от счастья, Жуан. Вот и все. Войдем внутрь. Уже за полночь.

Дон Жуан. Я не могу.

Дон Родериго. Куда тебя потянуло?

Дон Жуан. Вон отсюда.

Дон Родериго. К своей геометрии?

Дон Жуан. Туда, где я знаю, чего хочу. Да... Здесь я пропал. Когда я ночью подъезжал к замку, я увидел в окне молодую женщину. Я понял, что мог бы полюбить ее - первую встречную. Любую, понимаешь? Не меньше, чем Анну.

Дон Родериго. Может, это и была она?

Дон Жуан. Может быть. Что ж, по-твоему, я, как слепой, должен был поклясться ей в вечной любви? А потом придет другая и скажет, что то была она?

Дон Родериго. Тише!

Дон Жуан. Не выдавай меня, Родериго. Ты меня не видел.

Дон Родериго. Куда?

Дон Жуан перепрыгивает через балюстраду и исчезает в темном парке. Дон Родериго надевает маску. Входят отец Диего и донна Анна, оба без масок.

Отец Диего. Здесь, дитя мое, мы одни.

Донна Анна. Нет.

Отец Диего. То есть, как - нет?

Донна Анна. Мужчина!

Дон Родериго.

Я мужчина

И луна отразилась в пруду.

Ты женщина

И пруд под луной в эту ночь.

Покуда темно,

Мы слиты в одно

Любовью слепых

И ты - не невеста, и я - не жених.

(Кланяется.) Благослови, господь, донну Анну, невесту!

(Уходит.)

Донна Анна. Может быть, это был он?

Отец Диего. Жених не надевает маску.

Донна Анна. Мне так страшно.

Отец Диего. Дитя!

Крик павлина.

Это павлин, дитя мое, не бойся. Бедный павлин, он ищет не тебя. В течение семи недель он хриплым голосом добивается благосклонности своей донны Павы. Ради нее он распускает свой пестрый хвост. Но, по-видимому, ей так же страшно, как и тебе, и я не знаю, где она прячется. Что ты дрожишь?

Донна Анна. Я люблю его... Конечно...

Отец Диего. И все же прячешься от него? От самого изящного всадника из всех, кто когда-либо соскакивал с коня. Гоп! - и он уже на земле. Как птица спорхнул! Спроси у мамы. Твоя мать клянется, что такой стройной фигуры не бывало в природе; и хотя я не очень доверяю памяти твоей матери и как духовное лицо считаю своим долгом напомнить, что хорошая фигура - далеко не все, о нет! - и что существуют другие ценности, о которых женщина часто забывает, например душевные качества, - они весят больше, чем тройной подбородок... О чем бишь я говорил? Так вот, несомненно он

очень строен и горд как павлин, этот юноша, который каждый миг может здесь появиться...

Донна Анна пытается бежать.

Отец Диего (Удерживает ее и сажает на скамейку.) Куда ты?

Донна Анна. Я упаду в обморок.

Отец Диего. Он будет держать тебя в объятиях, пока ты не очнешься, и все будет хорошо, дитя мое.

Донна Анна. Где он?

Отец Диего. В замке, я думаю. Ищет невесту, как водится по обычаю. У язычников это называлось "буйной ночью". Обряд распутства, как сказано в летописи. Сходились наугад, как попало и с кем попало, и никто не знал, у кого он в объятиях. Потому что все были в одинаковых масках и, как полагает летописец, все были голыми - совершенно голыми - самцы и самки. Так было принято у язычников...

Донна Анна. Кто-то идет!

Отец Диего. Где?

Донна Анна. Мне почудилось...

Отец Диего. Пальмы на ветру...

Донна Анна. Простите, я вас перебила.

Отец Диего. Так было принято у язычников. Сходились как попало. Но это было давно. Христиане назвали этот обряд "ночью познания", и он разом приобрел религиозный смысл. Жених и невеста стали единственными, кому разрешено было обниматься при условии, что они узнают друг друга в толпе масок. Но такова уж сила истинной любви. Красивый, возвышенный смысл в этом обряде, не правда ли?

Донна Анна. Да.

Отец Диего. Только, к сожалению, говорит летописец, этот обряд не оправдал себя. Слишком много происходило ошибок. Ты не слушаешь?

Донна Анна. Кто-то идет.

Из замка выходит Донна Эльвира.

Донна Эльвира. Отец Диего!

Отец Диего. Что случилось?

Донна Эльвира. Идите сюда! Скорее!

Отец Диего следует на зов и уходит с донной Эльвирой. Донна Анна остается одна в темноте. Хрипло кричит павлин. Вдруг, охваченная ужасом, донна Анна перепрыгивает через ту же балюстраду, через которую незадолго перед тем перепрыгнул Дон Жуан. Она исчезает в темном парке, чтобы не встретиться с Дон Жуаном. Донна Эльвира возвращается.

Донна Эльвира. Анна! Где же она? Анна!

Возвращается Отец Диего.

Отец Диего. Конечно, она шлюха. Ее зовут Миранда. Ее все знают. Ей нечего делать в этом замке. Ее место на улице, (Смотрит на пустую скамейку.) Где донна Анна?

Донна Эльвира. Анна! Анна!

Отец Диего. Наверное, в замке.

Донна Эльвира и отец Диего уходят в замок. Тишина. Крик павлина.

Интермедия

На просцениуме появляются Селестина и Миранда.

Селестина. Не реви, тебе говорят. И не болтай ерунды. Не хочешь себя вести, как подобает шлюхе, - вот твой узел и убирайся вон.

Миранда. Селестина!

Селестина. Так всю душу выплачешь!

Миранда. Куда ж мне деваться, Селестина?

Селестина. Влюблена, видите ли. И еще смеет показываться мне на глаза. Влюблена в одного-единственного. Вот твоё барахло, и пошла вон. Каждый день предупреждаю - не впутывайте в это дело любовь! Кто-кто, а я-то уж побывала в этом болоте. Иначе, думаешь, могла бы управлять таким заведением? Я знаю цену слезам, когда в дело встречается душа! Один раз испытала и хватит. Дала обет. Разве я вам не мать родная? Такая красивая продажная тварь, как ты, и вдруг - на тебе: скулит, будто собака, и болтает, как благородная: "Его руки! Его нос! Его лоб!" А что у него еще есть, у твоего единственного? Выкладывай-ка! Пальцы на ногах? Ляжки? Уж не скрывай от нас, золотце! Ну, говори - что у него есть такого, чего нет у других? Я давно уже все поняла. По твоим заплаканным глазам. "Душевные переживания"!

Миранда. О Селестина, он не такой, как все!

Селестина. Пошла вон!

Миранда. О Селестина!

Селестина. Вон, тебе говорят! В последний раз! Слышишь? Я в моем доме такого не потерплю! "Влюбилась!" "Не такой, как все!" Только этого мне не хватало! И смеет это мне в лицо говорить, мне - главной своднице Испании! Значит, говоришь, он необыкновенный и ты его любишь?

Миранда. Люблю, господи, помилуй.

Селестина от гнева не в силах вымолвить ни слова.

Да, люблю.

Селестина. Так-то ты меня благодаришь за мое воспитание?!

Миранда. О Селестина...

Селестина. "О Селестина! О Селестина!" Решила поиздеваться надо мной среди ночи? Думаешь, можешь меня обмануть, как мужика? Ты так думаешь? "Господи, помилуй!" Да, верно, тебе это не помешает. Но я тебя миловать не собираюсь, клянусь честью! Я-то себе цену знаю! Думаешь, для чего к нам приходят все эти господа? Чтоб ты в них влюблялась? Чтоб ты их различала? Каждый день вам твержу: девиц всюду полно, любого возраста и на все готовых - замужних, незамужних... Сколько душе угодно. Так зачем

же они ходят к нам? Я тебе скажу, золотце: у нас мужчина отдыхает от выдуманных чувств. Поняла? За это они и платят чистоганом. Что сказал дон Октавио, наш мудрый судья, когда они собрались нас закрывать? "Не трогайте нашу славную хозяйшку, - вот что он сказал, и при всех. - Пока у нас существует беллетристика, которая насаждает выдуманные чувства, нам без нее не обойтись". Так и сказал: "Не обойтись". А что это значит? Это значит, что я под защитой государства. А думаешь, стало бы меня защищать государство, если б я допускала у себя неприличие? Я душевностью не торгую. Понятно? Я не продаю девиц, которые про себя мечтают о другом. Душевности у них и дома хватает. А теперь бери свой узел и убирайся.

Миранда. Как же мне быть?

Селестина. Выходи замуж.

Миранда. Селестина...

Селестина. Ты это вполне заслужила. Выходи замуж. А могла бы стать первоклассной шлюхой, лучшей шлюхой нашего времени, избалованной невиданным спросом. Не захотела? Полюбить понадобилось? Пожалуйста! Твое дело. Дамой захотелось быть? Подожди, еще вспомнишь обо мне, золотце, да поздно будет. Шлюха душой не торгует.

Миранда рыдает.

Я тебе сказала что думаю. И не вой у меня на пороге. Наш дом для веселья создан... (Уходит.)

Миранда. Я люблю...

АКТ ВТОРОЙ

Зал в замке.

Донна Анна сидит в подвенечном платье. Вокруг нее хлопочут женщины. Донна Инес ее причесывает.

Донна Инес. Вы больше не нужны. Я сама приколю фату. Ведь я подружка. Вот зеркало еще понадобится.

Женщины уходят.

Почему волосы у тебя влажные? Трудно причесывать, такие мокрые. Даже земля в них. Где ты была? И трава...

Донна Анна упорно молчит.

Анна!

Донна Анна. Да.

Донна Инес. Проснись, милая, сейчас свадьба начнется. Слышишь, в колокола звонят? Люди уже столпились на балконах. Родериго говорит, что такой свадьбы Севилья еще не видывала.

Донна Анна. Да.

Донна Инес. Ты так отвечаешь, словно это тебя не касается.

Донна Анна. Да.

Донна Инес. Опять трава. Хотелось бы знать, где ты побывала во сне. (Причесывает донну Анну, потом берет в руки зеркало.) Анна, я его видела.

Донна Анна. Кого?

Донна Инес. В замочную скважину. Ты спрашиваешь - кого! Ходит взад-вперед, как тигр в клетке. Раз остановился, выхватил шпагу и стал ее рассматривать. Будто перед дуэлью. А сам весь в белом, Анна, весь сияет шелком.

Донна Анна. Где же фата?

Донна Инес. Я уже вижу, как вы стоите рядом, а они снимают с тебя фату - черную, как ночь. Отец Диего спрашивает: "Дон Жуан, ты узнаешь ее? Донна Анна, ты узнаешь его?"

Донна Анна. А вдруг мы не узнаем друг друга?

Донна Инес. Анна!

Донна Анна. Дай мне фату!

Донна Инес. Сначала взгляни в зеркало.

Донна Анна. Нет.

Донна Инес. Анна, ты прекрасна.

Донна Анна. Я счастлива. Скорее бы опять наступила ночь. Я женщина. Он сказал: "Взгляни на наши тени на стене, это мы с тобой - мужчина и женщина". То был не сон. "Только не стыдись, а то я тоже застыжусь". То был не сон. Мы рассмеялись, потом он обнял меня и, не спросив имени, стал целовать в губы... Целовал, целовал, чтобы я тоже не спрашивала, кто он, потом поднял меня и понес через пруд. Я слышала плеск воды, черной воды

Донна Инес. Твой жених?

Донна Анна. Только он один мой жених Инес, и больше никто. Вот все, что я знаю. Он и больше никто. Я узнаю его ночью, когда он будет ждать меня у пруда. И ни у кого в мире нет больше прав на меня. Он мне ближе самой себя.

Донна Инес. Тише!

Донна Анна. Скорей бы ночь спустилась!

Донна Инес. Сюда идут!

Донна Анна. Дай мне фату.

Входят дон Гонсало и Отец Диего.

Дон Гонсало. Час настал. Я не мастер произносить цветистые речи. Пусть же мой поцелуй передает тебе чувства отца.

Отец Диего. Но где же фата?

Донна Инес. Сейчас.

Отец Диего. Поскорее собирайтесь, поскорее!

Донна Инес и донна Анна уходят.

Теперь мы одни. Говорите откровенно, командор. Почему бы нам - супругу и монаху - не найти общий язык?

Садятся.

Итак?

Дон Гонсало. Как я уже сказал, мы прискакали в Кордову, где меня принял Мухамед, князь неверных. Он плакал по поводу своего поражения, и придворные вокруг него тоже плакали. "Все это, о герой христиан, принадлежит вам! Берите и наслаждайтесь!" Я был просто поражен этим великолепием: там дворцы, каких и во сне не увидишь, залы с сияющими куполами, сады с чудо-фонтанами и цветы с таким ароматом... А Мухамед, весь в слезах, вручил мне ключ от своей библиотеки. Я тут же приказал ее сжечь.

Отец Диего. Гм...

Дон Гонсало. "А здесь, - сказал Мухамед, - здесь мой гарем". Девушки тоже плакали. Пахло пряностями. "Все это, - сказал он, - принадлежит вам, о герой христиан! Берите и наслаждайтесь!"

Отец Диего. Гм...

Дон Гонсало. Пахло пряностями...

Отец Диего. Это вы уже говорили.

Дон Гонсало. "Берите и наслаждайтесь", - сказал он...

Отец Диего. Сколько их было?

Дон Гонсало. Девушек?

Отец Диего. Примерно.

Дон Гонсало. Семь или девять.

Отец Диего. Гм...

Дон Гонсало. Я хотел исповедаться, прежде чем присутствовать при обряде венчания.

Отец Диего. Понимаю.

Дон Гонсало. Речь идет о моем браке.

Отец Диего. Вы меня пугаете.

Дон Гонсало. Семнадцать лет я хранил верность.

Отец Диего. Это всем известно. Ваш брак, дон Гонсало, недостижим по своему совершенству. Единственный, которым мы можем похвастаться перед неверными. Им со своими гаремами легко смеяться над нашими семейными скандалами. Я всегда повторяю: если бы не вы, командор, - образец истинного супруга... Но продолжайте.

Дон Гонсало. "Все это, - сказал он, - принадлежит вам"...

Отец Диего. "Берите и наслаждайтесь!"

Дон Гонсало. Да.

Отец Диего. "Пахло пряностями"...

Дон Гонсало. Да.

Отец Диего. Дальше!

Дон Гонсало. Девушки понимали лишь по-арабски, иначе дело никогда не зашло бы так далеко. Они меня стали раздевать... А как я мог им объяснить, что женат и что у нас, христиан...

Отец Диего. Они вас раздевали?

Дон Гонсало. Мухамед их обучил этому.

Отец Диего. Дальше!

Дон Гонсало. Отец Диего, я согрешил.

Отец Диего. Говорите.

Дон Гонсало. Согрешил в мыслях.

Отец Диего. То есть как - в мыслях?

Дон Гонсало. Я проклял верность.

Отец Диего. А что было потом?

Дон Гонсало. Проклял семнадцать лет супружеской жизни!

Отец Диего. Потом что было?

Дон Гонсало. Потом?..

Отец Диего. Не дрожите так, дон Гонсало, говорите откровенно. Небу и так все известно.

Дон Гонсало. Потом...

Отец Диего. Все мы грешники.

Дон Гонсало. Потом ничего не было.

Отец Диего. То есть как - ничего не было?!

В праздничных нарядах входят донна Эльвира, Тенорио, дон Родериго, три кузена, девушки, мальчики с кадилами, трубачи.

Донна Эльвира. Мой супруг, все готово. Ладан и трубы - как семнадцать лет назад. Захотелось вновь стать молодой...

Дон Гонсало. Где жених?

Донна Эльвира. Он - чудо!

Дон Гонсало. Я спрашиваю, где он.

Дон Родериго. Мой друг Дон Жуан просит извинить его за то, что он вчера не был на празднестве. Он очень устал после долгого пути, и ему хотелось немного отдохнуть, прежде чем показаться невесте и ее родителям. Но он проспал в саду до утра, до самых петухов. Мне поручено передать вам это. Ему очень стыдно, и он не решается прийти на собственную свадьбу, пока его не простят.

Донна Эльвира. Не решается прийти! Это самый учтивый жених из всех, каких мне приходилось видеть. Не знаю, чего бы только я ему не простила.

Дон Родериго отвешивает поклон и уходит.

Я случайно увидела его в лоджии и подошла к нему сзади. Я спросила его, почему он грызет ногти. Он только взглянул на меня. "Донна Анна?" - спросил он, смутившись, словно я его невеста, словно он забыл, как она выглядит. Словно я его невеста! Он даже не попрощался со мной, когда я подобрала юбку, чтобы уйти. Он только смотрел на меня. Я это видела в зеркало. Он был в каком-то трансе, весь погружен в себя...

Тенорио Надо надеяться.

Донна Эльвира. Словно перед казнью.

Трубы. Входят дон Родериго и Дон Жуан.

Тенорио Мой сын!

Дон Жуан. Папа!

Тенорио Обычай требует, чтобы я произнес несколько слов. Но одному богу известно, как разрывается мое сердце: ведь я в первый раз вижу тебя в роли жениха - в первый раз! Мои друзья уже, наверное, поняли, что я хочу этим сказать: в первый и, надеюсь, мой сын, в последний раз...

Донна Эльвира. Мы поняли.

Тенорио Обычай требует...

Отец Диего. Вы покороче.

Тенорио Дай-то бог, дай-то бог!

Дон Жуан опускается на колени, чтобы принять благословение.

Донна Эльвира. Как он прелестен в этой позе!

Отец Диего. Что вы сказали?

Донна Эльвира. Как он прелестен на коленях.

Дон Жуан встает.

Дон Гонсало. Сын мой!

Дон Жуан. Отец!

Дон Гонсало. Я тоже не мастер произносить цветистые речи, но слова мои идут из глубины сердца, и поэтому я буду краток.

Дон Жуан снова становится на колени.

Пришел час...

Донна Эльвира. Больше он ничего не придумает. Отец Диего, пусть трубят трубы. Он уже ничего не придумает. Я его знаю.

Дон Гонсало. Пришел час...

Тенорио. Дай-то бог!

Дон Гонсало. Дай-то бог!

Оба отца бросаются друг другу в объятия. Играют трубы. Входит невеста под фатой в сопровождении донны Инес. Красивая церемония заканчивается тем, что Дон Жуан, весь в белом, и невеста - тоже в белом, но под черной фатой, становятся друг перед другом. Между ними - Отец Диего. Все остальные на коленях.

Отец Диего. Господи! Кто может пребывать в жилище твоём? Кто может обитать на священной горе твоей? Тот, кто ходит непорочно, и делает правду, и говорит истину в сердце своем. Кто клянется, хотя бы злему, и не изменяет. Поступающий так не поколеблется вовек. Аминь!

Трубы.

Ты, донна Анна, дочь донна Гонсало из Уллоа, командора Севильи. И ты, Дон Жуан, сын Тенорио, банкира Севильи. Вы оба, одетые женихом и невестой, пришли сюда по свободной воле ваших сердец, чтобы сказать правду перед господом, вашим создателем. Ответьте же мне ясным и полным голосом на вопрос, который я задаю вам перед лицом неба и людей - ваших свидетелей на земле: узнаете ли вы друг друга?

С донны Анны снимают фату.

Донна Анна, ты узнаешь его? Отвечай!

Донна Анна. Да.

Отец Диего. Дон Жуан, ты узнаешь ее? Отвечай!

Дон Жуан молчит, словно онемев.

Отвечай, Дон Жуан, ты ее узнаешь?

Дон Жуан. Да... Разумеется... О да!

Трубы.

Отец Диего. Теперь ответьте на следующий вопрос.

Донна Эльвира. О, как его потрясло все это!

Отец Диего. Донна Анна и Дон Жуан! Итак, вы узнаете друг друга. Полны ли вы решимости протянуть друг другу руки в знак вечного брачного союза, дабы хранил он вас от сатаны - падшего ангела, превращающего небесное чудо любви в земную муку. Готовы ли вы поклясться в том, что, пока вы живы, ваши сердца останутся верными той любви, которую мы благословляем во имя отца и сына и святого духа?

Все крестятся.

Я спрашиваю тебя, Донна Анна.

Донна Анна. Да.

Отец Диего. Я спрашиваю тебя, Дон Жуан.

Дон Жуан. Н-нет.

Трубы.

Отец Диего. Сотворим же молитву.

Дон Жуан. Я сказал: нет.

Отец Диего молится.

Нет!

Все, стоя на коленях, молятся.

Дон Жуан. Я сказал: нет!

Молитва стихает.

Прошу вас, друзья, встаньте!

Дон Гонсало. Что он сказал?

Отец Диего. Какой ужас!

Дон Гонсало. Он сказал - нет?

Дон Жуан. Я не могу. Просто невозможно. Прошу меня простить. Почему вы не встаете?

Отец Диего. Что это значит?

Дон Жуан. Я же сказал: не могу в этом поклясться. Это невозможно. Она этой ночью лежала в моих объятиях, и я, конечно, ее узнал.

Дон Гонсало. Что он говорит?

Дон Жуан. Конечно, мы узнали друг друга.

Дон Гонсало. В объятиях? Он сказал - в объятиях?

Дон Жуан. Я не о том хотел сказать...

Донна Анна. Но ведь это правда.

Отец Диего. А ну-ка, убирайтесь отсюда со своим ладаном, мальчишки!

Мальчишки уходят.

Дон Жуан. Мы встретились в парке. Случайно. Вчера ночью. Все было так естественно. Мы убежали. Оба. В темноте мы не узнали друг друга, и все было просто и прекрасно. И так как мы полюбили друг друга, мы придумали план. Теперь я могу вам его выдать. Мы решили вновь встретиться сегодня ночью у пруда. И я решил ее похитить.

Дон Гонсало. Похитить?

Дон Жуан. Да.

Дон Гонсало. Мою дочь?

Дон Жуан. Но ведь я не подозревал, дон Гонсало, что это она...

Дон Гонсало. Ты что-нибудь поняла, Эльвира?

Донна Эльвира. Лучше тебя.

Дон Жуан. Если б я вчера не был таким усталым и не проспал до рассвета, я избавил бы вас от этого зрелища, честное слово. Но что мне было делать? Я опоздал. А когда услышал, что уже затрубили трубы, подумал: выхода нет, придется дать ложную клятву. Можете возмущаться, но я говорю правду: свадьба свадьбой, а ночью, когда стемнеет... (Смотрит на донну Анну.) О боже! Этого я уж никак не ожидал!

Отец Диего. Чего именно?

Дон Жуан. (донне Анне). Что это ты.

Тенорио Какой ужас!

Дон Жуан. Папа, ради этих труб и ладана я не стану присягать тому, во что не верю, а я теперь и себе самому не верю. Я не знаю, кого я люблю. Честное слово. Больше мне сказать нечего. Лучше отпустите меня, и поскорее. (Отвешивает поклон.) Я сам потрясен.

Дон Гонсало. Соблазнитель!

Дон Жуан направляется к выходу.

Только через мой труп! (Вынимает шпагу.) Только через мой труп!

Дон Жуан. К чему это?

Дон Гонсало. Только через мой труп!

Дон Жуан. Это несерьезно.

Дон Гонсало. Защищайтесь!

Дон Жуан. И не подумаю!

Дон Гонсало. Клянусь честью, вы не уйдете из этого дома! Только через мой труп!

Дон Жуан. Но я не хочу убивать.

Дон Гонсало. Только через мой труп!

Дон Жуан. А что это изменит? (Направляется в другую сторону.) Донна Эльвира, ваш супруг решил сделать из меня убийцу. Разрешите мне пройти другим выходом. (Поклонившись донне Анне, направляется к другому выходу.) В тот же миг трое кузенов обнажают шпаги. Дон Жуан окружен.

Дон Жуан. Если вы решили серьезно...

Дон Гонсало. Смерть соблазнителью!

Трое кузенов. Смерть!

Дон Жуан вынимает шпагу.

Смерть соблазнителью!

Дон Жуан. Что ж, я готов.

Донна Эльвира. Постойте!

Дон Жуан. Я не боюсь мужчин!

Донна Эльвира. Постойте! (Становится между ними.) Четверо против одного! А ведь мы даже не знаем, что так смутило юношу. Вы что, спятили? Образумьтесь! И поскорее!

Шпаги опускаются.

Отец Диего, почему вы молчите?

Отец Диего. Я...

Дон Жуан. А что ему говорить? Он меня лучше других понял. Сам-то ведь не женился!

Отец Диего. Я?

Дон Жуан. На донне Эльвире, например.

Отец Диего. Клянусь богом...

Дон Жуан. У него - бог, у меня - геометрия. У каждого мужчины есть что-то более возвышенное, чем женщина, стоит ему только прийти в себя.

Отец Диего. Что это значит?

Дон Жуан. Ничего.

Отец Диего. Что это значит?

Дон Жуан. Я знаю то, что знаю. И отстаньте от меня! Я не знаю, известно ли об этом командору.

Тенорио Какой ужас!

Дон Жуан. У тебя сердце разрывается, папа, я знаю. Ты это уже тринадцать лет подряд твердишь. Я не удивлюсь, если ты однажды умрешь. (Кузенам.) Будем мы биться или нет?

Донна Эльвира. Дорогой Жуан...

Дон Жуан. Чего все от меня хотят?

Донна Эльвира. Ответ на один-единственный вопрос. (Кузенам.) Спрячьте шпаги, я подожду. (Дону Гонсало.) И ты тоже.

Кузены и дон Гонсало прячут шпаги в ножны.

Дон Жуан Тенорио, вы ведь приехали сюда, чтобы жениться на Анне, вашей невесте?

Дон Жуан. Так было вчера.

Донна Эльвира. Понимаю, а потом вас взяла оторопь. И Анну тоже. И вы сбежали в парк. И Анна тоже. Вы оба боялись развязки. Разве не так? А потом, во тьме, вы обрели друг друга, не подозревая, кто вы, и это было прекрасно.

Дон Жуан. О да.

Донна Эльвира. Вы не узнали друг друга.

Дон Жуан. Да.

Донна Эльвира. И вы не захотели жениться на невесте, которую обманули. Вы хотели убежать с другой, хотели ее похитить...

Дон Жуан. Да.

Донна Эльвира. Почему же вы не делаете этого?

Дон Жуан. Почему...

Донна Эльвира. Вы же видите, как она вас ждет, только вас - никого другого, как она засияла, когда увидела, что жених и похититель - одно и то же лицо.

Дон Жуан. Я не могу.

Донна Эльвира. Почему?

Дон Гонсало. "Почему"! "Почему"! Никаких "почему"! (Обнажает шпагу.)
Смерть соблазнителью моей дочери!

Донна Эльвира. Мой супруг...

Дон Гонсало. Защищайтесь!

Донна Эльвира. Мой супруг, мы, кажется, разговариваем.

Дон Жуан. Я не могу. Вот все, что я могу сказать. Не могу клясться. Откуда я знаю, кого люблю? После того как я убедился, что все на свете возможно - даже и для нее, моей невесты, которая меня ждала - меня одного, и вот, осыпавил же ее первый встречный, которым случайно оказался я.

Дон Гонсало. Защищайтесь!

Дон Жуан. Если вам не удастся поскорее заработать себе памятник начинайте. (Смеется.) Никогда не забуду, как вы отличились в гареме Кордовы. "Берите и наслаждайтесь!" Так и стойте у меня перед глазами! Начинайте! Я свидетель - мавританские девушки делали все, чтобы его соблазнить, нашего рыцаря брака. Но им так и не удалось. Своими глазами видел, клянусь вам, стоит голый и бледный, руки трясутся, дух взыграл, да плоть больно уж немошна... Начинайте!

Дон Гонсало опускает шпагу.

Я готов.

Донна Эльвира. Жуан...

Дон Жуан. Я ведь с самого начала говорил - отпустите меня подобру-поздорову. А то моя вежливость иссякнет. (Прячет шпагу.) Уеду из Севильи...

Донна Анна. Жуан...

Дон Жуан. Прощай! (Целует донне Анне руку.) Я тебя любил, Анна, хотя и не знаю, кого именно - невесту или ту, другую. Я потерял вас обеих, обеих в одном лице. Я потерял самого себя. (Еще раз целует ей руку.) Прощай!

Донна Анна. Прощай...

Дон Жуан уходит.

Не забудь, Жуан: у пруда, как только стемнеет... сегодня... ночью... Жуан!.. Жуан!.. (Идет за ним.)

Отец Диего. И ему позволят просто так уйти, этому негодяю?

Дон Гонсало. Да разверзнутся над ним небеса!

Отец Диего. Это, скорее, мне надо было бы сказать про небеса...

Дон Гонсало. За ним! В погоню! Окружить парк! За ним! Спустить на него всех собак и окружить парк! За ним! Все в погоню!

Все, кроме донны Эльвиры и Тенорио, уходят.

Тенорио. У меня просто сердце разрывается, когда я вижу поведение своего сына.

Донна Эльвира. Он прелесть.

Тенорио. А мне-то каково?

Донна Эльвира. В данный момент это никого не интересует, поверьте мне никого.

Тенорио. На мою плоть и кровь спустили собак! А я ведь и не верю даже, что он соблазнил вашу дочь. Он вовсе и женщинами-то не интересуется. Уж я-то его знаю. Это все обман, хитрость, чтобы поскорее вернуться к своей геометрии. Сердце-то у него холоднее камня. Он даже не удивится, если я умру - вы сами слышали, - даже не удивится!

Лай собак. Возвращается Отец Диего.

Отец Диего. И вы тоже, Тенорио, за нами!

Оба уходят.

Донна Эльвира. Он просто чудо!

Вбегает Дон Жуан.

Дон Жуан. Я их всех убью, всю свору! И не женюсь! Убью их всех до единого!

Донна Эльвира. Идем!

Дон Жуан. Куда?

Донна Эльвира. Ко мне в спальню...

Возвращается Тенорио с обнаженной шпагой. Он видит, как донна Эльвира и Дон Жуан, обнявшись, убегают.

Тенорио. Какой ужас!

Входят преследователи с обнаженными шпагами и сворой разъяренных собак, рвущихся с поводков.

Дон Гонсало. Где он?

Тенорио хватается за сердце.

За ним! Окружить парк!

Преследователи убегают.

Тенорио. Я умираю...

Интермедия

На просцениуме - Миранда, наряженная невестой, и Селестина с нитками и иглами.

Селестина. Не все сразу, золотце, не все сразу. Поспеешь вовремя. Такая свадьба с речами и всякой болтовней скоро не кончится.

Миранда. Чтоб только меня никто не узнал, Селестина, а то еще выпорют и привяжут к позорному столбу. (Стоит неподвижно.)

Селестина шьет.

Селестина...

Селестина. Не дрожи, а то я не могу шить.

Миранда. Селестина, ты находишь, я вправду похожа на невесту?

Селестина. Вылитая невеста. (Шьет.) Я тебе говорю, мужчины - самая слепая тварь из всех созданных господом. Я была прежде портнихой, мне-то можешь поверить. Настоящие кружева или поддельные - редкий случай, чтобы мужчина разобрался. Я тебе говорю: мужики замечают только самое существенное.

Миранда. Я еле дышу.

Селестина. Это поправимо. Слишком грудь стянула? Вижу, ты не девственница. А мы просто распустим шов под мышкой. Пустяки. Он этого все равно не заметит или заметит, когда уж будет поздно. Но только не дрожи! А то уколую. Что у тебя надето внизу?

Миранда. Внизу? Ничего.

Селестина. Это самое лучшее.

Миранда. И так еле налезло.

Селестина. В отношении нижнего белья они очень странные, особенно благородные. То их розовый цвет бесит, то лиловый. Ну и начинают возмущаться нашим вкусом. Как в романах все равно, - вздыхает этаким хлыщ: "Мы - два разных мира!" И смотрит в окно. Поэтому я вам всегда и говорю: не болтайте с ними о романах! Это может привести к скандалу. То же и с бельем. Бывают мужчины, которые ничего на свете не боятся, а вот увидят из-под юбки розовое кружево - и... только их и видели! О вкусах не спорят. Без белья лучше всего. Это их может удивить, но никогда не оттолкнет.

Миранда. Селестина!

Селестина. Не дрожи, золотце, не дрожи!

Миранда. Не знаю, хватит ли у меня смелости, но ведь это не грех - что я задумала?

Селестина. Вот видишь, теперь не жмет, а грудь получилась тугая. А что ты задумала? Снизу, золотце, мы подошьем, чтоб щиколотки были видны. Щиколотки - это важно.

Миранда. О боже!

Селестина. Но сначала приколем фату.

Миранда. О боже!

Селестина. Что ты вздыхаешь?

Миранда. Почему все, что мы делаем, - обман?

Селестина. Нда... (Задирает на ней юбку.) Теперь подошьем юбку.

Миранда. Не так.

Селестина. Думаешь, буду нагибаться?

Миранда. Селестина...

Селестина. Семь стежков - и готово!

Миранда медленно поворачивается, в то время как Селестина стоя подшивает ей юбку.

Думаешь, он станет тебя обнимать? Только потому, что примет тебя за свою невесту, за донну Анну? Обнимать и целовать? Вот уж я посмеюсь, золотце, когда с носом останешься! А в общем, как хочешь! Он из тебя дурь выбьет, вот я тебе и взялась помогать. Как тебя увидит, скажет: "Донна Анна?" И все. Сразу у него совесть заговорит, станет оправдываться, польется на тебя целый поток лжи. И ему будет не до объятий, не говоря уж об остальном. Ты переоцениваешь мужей, золотце, ты их знаешь только такими, какие они у нас.

Платье готово.

Вот так...

Миранда. Спасибо...

Селестина. Как себя чувствует невеста?

Звонок.

Опять клиент.

Миранда. Зеркало мне оставь.

Входит испанский дворянин.

Селестина. Что вам угодно?

Лопес. Не знаю, туда ли я попал...

Селестина. Вероятно, туда.

Лопес. Мое имя Лопес.

Селестина. Бывает.

Лопес. Я приехал из Толедо...

Селестина. Понимаю, устали после дороги, хотите отдохнуть...

Лопес. Дон Бальтасар Лопес.

Селестина. Нас анкета не интересует, лишь бы заплатили вперед.

Лопес оглядывается по сторонам.

Все в порядке, вы не ошиблись, проходите.

Лопес разглядывает Миранду.

У девушки выходной. (Уходит с Лопесом.)

Миранда (одна перед зеркалом). Помогите мне, господи! Мне ведь ничего не нужно, только раз в жизни пусть примет меня за невесту, опустится передо мной на колени и поклянется, что любит только это лицо - лицо донны Анны, мое лицо...

АКТ ТРЕТИЙ

Перед замком.

Предрассветные сумерки. Дон Жуан сидит на ступеньках лестницы и ест кулебячку. Вдали слышен лай собак. Входит Дон Родерико.

Дон Родерико. Жуан! Жуан! Это я, дон Родерико, твой старинный друг.

Дон Жуан молча ест.

Жуан!

Дон Жуан. Что случилось, Родериго, мой старинный друг? Ты забыл даже поздороваться.

Дон Родериго. Ты разве не слышишь?

Дон Жуан. Этот лай, что ли? Да я всю ночь его слышал, то из одной, то из другой спальни. То совсем рядом, то вдалеке. Собачья выдержка просто трогательна.

Дон Родериго. Я всю ночь тебя ищу.

Дон Жуан молча ест.

Дон Родериго. Мне надо тебя предупредить.

Дон Жуан молча ест.

Что ты здесь делаешь, на лестнице?

Дон Жуан. Завтракаю.

Дон Родериго. Жуан, послушай...

Дон Жуан. Ты был у своей невесты?

Дон Родериго. Нет.

Дон Жуан. Напрасно, дон Родериго, мой старинный друг. Слишком смело с твоей стороны. Никогда не оставляй ее одну. А то ненароком какой-нибудь преследуемый собаками незнакомец ворвется к ней в спальню, и она вдруг поймет, что даже ты - не единственный мужчина на свете.

Дон Родериго. Что ты хочешь этим сказать?

Дон Жуан. Правду. (Ест.) У тебя прелестная невеста.

Дон Родериго. Ты хромаешь?

Дон Жуан. Как дьявол собственной персоной. Это бывает, когда прыгаешь из окна. (Ест.) Другого пути к себе самому нет. (Ест.) Бабы - народ ненасытный.

Дон Родериго. Жуан, я должен тебя предупредить.

Дон Жуан. Я тоже должен тебя предупредить.

Дон Родериго. Я ведь говорю серьезно, мой друг. Случится непоправимое, если ты не образумишься. Нечто ужасное, о чем всю жизнь будешь жалеть. Шутке конец, когда проливается кровь. И уже ничего нельзя поправить. Я всю ночь блуждал по парку. Я дрожал за тебя, Жуан.

Дон Жуан молча ест.

Глазам своим не поверил: вдруг вижу у пруда какой-то призрак. То была она.

Дон Жуан. Кто?

Дон Родериго. Твоя невеста.

Дон Жуан. Анна?

Дон Родериго. Она тебя ждет, Жуан. Всю ночь. Мне кажется, она не в своем уме. Часами сидит неподвижно, как статуя, потом вдруг срывается с места и бродит по берегу. Я пытался с ней заговорить. Она уверяет, что ты на маленьком островке, и ее невозможно разубедить. Только отойдешь от нее, она уже кличет тебя по имени. И так всю ночь. Тебе надо с ней поговорить.

Дон Жуан. Не знаю, что мне ей сказать, Родериго. Я не в состоянии говорить о чувствах, которых нет, а то, что я ее бросил, она сама знает. Вот и все. Единственное, что я сейчас чувствую, - это голод.

Дон Родериго. Тише!

Входит дон Гонсало с обнаженной шпагой.

Дон Гонсало. Стой! Кто здесь?

Дон Жуан. Смотри, он еле на ногах держится. Скажи ему, чтобы бросил эту затею.

Дон Гонсало. Кто здесь?

Дон Жуан. Ему не терпится умереть. Все мечтает поскорее поставить себе памятник. Раньше не уймется, вот увидишь.

Входят трое кузенов. Они все в крови, оборваны и обессилены.

Дон Гонсало. Стой! Кто здесь?

Первый кузен. Да разверзнутся над ним небеса!

Дон Гонсало. Вы его поймали?

Второй кузен. Мы еле живы, дядя Гонсало, проклятые псы изодрали нас в клочья.

Третий кузен. Не надо было их стегать плеткой, идиот.

Второй кузен. Сам идиот. Они же на меня набросились.

Дон Гонсало. Где собаки?

Первый кузен. Я их не убивал, дядя.

Дон Гонсало. Не убивал?

Второй кузен. У нас не было иного выхода.

Дон Гонсало. Вы сказали - их убили?

Третий кузен. А что нам было делать? Либо они, либо мы.

Дон Гонсало. Мои псы...

Первый кузен. Мы выбились из сил, дядя Гонсало, пусть само небо покарает нечестивца. Мы больше не можем.

Дон Гонсало. Мои псы...

Второй кузен. Надо его перевязать.

Трое кузенов уходят, с трудом волоча ноги.

Дон Гонсало. Я не успокоюсь, пока не отомщу за собак. Скажите об этом моей супруге, как только она проснется. (Уходит в противоположную сторону.)

Дон Жуан. Слыхал? Да разверзнутся над ним небеса! Как трогательно! Мне жалко собак, которые дохнут во имя этой идеи.

Дон Родериго. Не гневи небо, мой друг.

Дон Жуан. А я и не гневлю его, оно мне даже нравится. Особенно в этот час. Редко видишь его в такое время дня.

Дон Родериго. Подумай о своей невесте.

Дон Жуан. О которой?

Дон Родериго. О той, которая бродит по берегу и кличет тебя. Жуан, ты ведь ее любил, я же знаю.

Дон Жуан. Я тоже знаю. (Бросает кость.) Божественная куропатка. (Вытирает руки.) Я ее любил. Помню. Весной, когда я впервые увидел донну Анну, я упал перед ней на колени на этой самой лестнице. Молча. Как громом пораженный. Так, кажется, принято выражаться? Никогда не забуду: она медленно спускалась по лестнице, платье ее развевалось на ветру, а когда я упал на колени, она остановилась. Мы оба молчали. Я видел ее юный рот и блеск голубых глаз под черной вуалью. Было раннее утро, как сейчас, у меня захватило дух, я не мог вымолвить ни слова. Смех подступал к горлу, но, если б он вырвался наружу, он обернулся бы рыданием... Это была любовь. Так мне кажется. В первый и в последний раз.

Дон Родериго. Почему же в последний?

Дон Жуан. Возврата нет... Если бы сейчас, вот в это мгновение, она снова появилась на лестнице в платье, развевающемся по ветру, и с блеском голубых глаз под черной вуалью, знаешь, что бы я почувствовал? Ничего. В лучшем случае - ничего. Воспоминание. Прах. Не хочу ее видеть. Никогда. (Протягивает ему руку.) Прощай, Родериго!

Дон Родериго. Куда ты?

Дон Жуан. К геометрии.

Дон Родериго. Это же несерьезно.

Дон Жуан. Абсолютно серьезно. После того, что произошло сегодня ночью, у меня нет иного выхода. Не жалея меня! Я стал мужчиной, вот и все. Я

здоров, как видишь, с головы до пят. Я счастлив от сознания, что счастье меня миновало. Я уеду сейчас же, наслаждаясь утренней свежестью. Что мне еще нужно? Прискачу к журчащему ручью, окунусь в него, смеясь от холода. На этом и кончится моя свадьба. Я теперь свободен, как никогда, Родериго. Я трезв и бодр и весь охвачен единственным чувством, достойным мужчины, - любовью к геометрии.

Дон Родериго. К геометрии!

Дон Жуан. Тебя, наверное, никогда не охватывало благоговение перед точностью познания! Взять, например, хотя бы окружность - наиболее точное понятие в геометрии. Я поклонник совершенства, мой друг, трезвого расчета, точности. Я страшусь трясины наших настроений. А вот перед окружностью или треугольником мне ни разу не приходилось краснеть или испытывать к ним отвращение. Ты знаешь, что такое треугольник? Он неотвратим, как рок. Существует одна-единственная фигура из трех данных тебе отрезков прямой. И вот перед этими тремя линиями рассыпаются в прах все чувства, что так часто смущают наши сердца. И разом ничего не остается от несбыточных надежд на осуществление бесчисленных мнимых возможностей... Только так, а не иначе утверждает геометрия. Так, а не как-нибудь еще! И здесь не помогут ни хитрость, ни чувства, ни настроения: существует лишь одна-единственная фигура, соответствующая своему имени. Разве не здорово? Признаюсь тебе, Родериго, я не знаю ничего величественнее этой игры, которой подчиняются луна и солнце! Что может быть прекраснее двух линий, проведенных на песке, двух параллелей? Взгляни на дальний горизонт - он все же не бесконечность. Взгляни на морскую ширь. Да, конечно, она огромна, я согласен. Или Млечный Путь, например, - пространство, от которого дух захватывает! И все же... Все же это не бесконечность, которую могут выразить лишь эти две линии, проведенные на песке, если они правильно осмыслены... Ах, Родериго, я преисполнен любви и благоговения и только потому позволяю себе насмехаться. Там, где воздух не пропитан ладаном, где все ясно и прозрачно, - там начинается откровение. Там не бывает капризов, Родериго, из которых слагается человеческая любовь. Что справедливо сегодня, справедливо и завтра, и, когда я перестану дышать, оно все же останется справедливым - без меня и без вас. Лишь отрезвленному доступна святость, все остальное чепуха, поверь мне - чепуха, на которой не стоит задерживать нашего внимания. (Снова протягивает руку.) Прощай!

Дон Родериго. А девушка у пруда?

Дон Жуан. Ее утешит другой.

Дон Родериго. Ты в этом уверен?

Дон Жуан. Мужчина и женщина, почему вы верите лишь в то, во что вам нравится верить? Ведь, в сущности говоря, люди спокойно переносят правду, пока над ней не начинают смеяться. Родериго, мой старинный друг, а вот я смеюсь над тобой! Я твой друг, но откуда у тебя такая уверенность, что я не решусь поставить на карту нашу дружбу? Не выношу друзей, которые во мне так уверены... Почем ты знаешь, что я не побывал этой ночью у твоей Инес?

Дон Родериго. Брось эти шутки!

Дон Жуан. Почем ты знаешь, что это - шутки?

Дон Родериго. Я знаю мою Инес.

Дон Жуан. Я тоже.

Дон Родериго. Откуда?

Дон Жуан. Я же тебе сказал: я был у нее.

Дон Родериго. Неправда!

Дон Жуан. Я любознателен, мой друг, от природы любознателен. И я решил проверить, способен ли я на это. Инес - твоя невеста, ты ее любишь, и она тебя любит. Мне захотелось выяснить, способна ли она на это. И согласишься ли ты мне, когда я об этом расскажу.

Дон Родериго. Жуан!

Дон Жуан. Ну как, поверил ты мне или нет?

Пауза.

Не верь!

Дон Родериго. Ты дьявол!

Дон Жуан. Я тебя люблю. (Подходит к дону Родериго и целует его в лоб.) Не верь этому никогда!

Дон Родериго. Окажись это правдой, я убил бы себя на месте - не тебя, не ее, а себя.

Дон Жуан. Мне было бы жаль тебя. (Берет со ступенек свой камзол и надевает его.) Теперь мне понятно, почему я испугался своего отражения в колодце, этой зеркальной бездне небесной голубизны. Не бери с меня пример, Родериго, не будь любознательным. Когда мы расстаемся с ложью, сверкающей, словно гладкая поверхность воды, и открываем, что мир - не одно лишь отражение нашей мечты, когда мы всерьез начинаем задумываться - кто же мы, тогда - ах, Родериго, - тогда нас не удержит эта гладкая поверхность. Мы уже камнем несемся в пропасть - в ушах свистит, и божья обитель не для нас. Родериго, не бросайся в бездну души - своей или любой другой, - лучше оставайся на голубой зеркальной глади, наподобие мошкары, пляшущей над водой. Наслаждайся жизнью! Аминь. (Надел камзол.) Ну, что ж, а теперь прощай! (Обнимает дону Родериго.) Прекрасно иметь такого друга, который дрожит за тебя всю ночь. Но теперь мне придется самому за себя дрожать.

Дон Родериго. Жуан, что с тобой произошло?

Дон Жуан смеется.

С тобой что-то случилось.

Дон Жуан. Я свое отлюбил. (Собирается уходить, но дон Родериго его удерживает.) Молодость оказалась короткой. (Вырывается.) Оставь меня. (Хочет уйти, но в этот момент видит донну Анну, появившуюся на самом верху лестницы в подвенечном платье и в фате.) Это зачем?

Женщина медленно сходит по ступенькам.

Донна Анна...

Женщина останавливается на третьей ступеньке снизу.

Я ушел от тебя. Зачем ты вернулась? Я ведь бросил тебя. Это всей Севилье известно, неужели ты об этом не знаешь? Я тебя бросил.

Женщина молча улыбается.

Я вспомнил. О да! Вижу, как улыбается твой юный рот. Как тогда. Под фатой вижу блеск твоих глаз. Все, как тогда. Только я не тот, каким был, когда упал перед тобой на колени. Возврата не будет.

Женщина. Дорогой Жуан...

Дон Жуан. Тебе не следовало возвращаться, тем более по этим ступеням. Твой облик вернул мне надежды, которых больше нет. Я знаю, что любовь не та, какой я ждал ее на этих ступенях. (Пауза.) Уходи! (Пауза.) Уходи! (Пауза.) Уходи, говорят. Уходи! Заклинаю тебя силами небес и ада - уходи!

Женщина. Почему ты сам не уходишь?

Дон Жуан смотрит на нее, оцепенев.

Дорогой Жуан...

Дон Жуан. Дорогой Жуан! (Смеется.) Знаешь, где он провел ночь, твой дорогой Жуан? У твоей матери! Дорогой Жуан... Ты могла бы многому у нее научиться, но он и ее бросил, твой дорогой Жуан... Он столь преисполнен любви, что выскочил из ее окна, чтобы залезть в следующее. Слышала? У твоей матери! Они его травили псами, будто он и без того не затравлен, и я даже не знаю ее имени, той, третьей... Только помню, что молодая, как все женщины в темноте. И с каким же наслаждением твой дорогой Жуан забывал о тебе во тьме, не знающей ни лиц, ни имен! С какой радостью затаптывал в прах все былое ребячество, чтобы идти дальше не оглядываясь! Чего же ты хочешь от него, умеющего только смеяться? А потом - потом, когда ему все опротивело, он очутился в последней спальне... Думаешь, его влекла надежда? Светлые волосы? Манера целоваться и страсть, которую разжигает борьба? Она защищалась с остервенением, до неистовства, до желания оказаться слабее твоего дорогого Дон Жуана. А на дворе не смолкал лай. О да, конечно, все они разные, и эта разница сама по себе волшебна. Но только волшебство это длится очень недолго, и в наших объятиях они все одинаковы, до ужаса одинаковы. Но что-то в ней было, в этой последней в ту ночь, что-то такое, чего нет и никогда не будет у всех остальных; нечто особенное, захватывающее, неотразимое: она была невестой его единственного друга.

Дон Родериго. Нет!

Дон Жуан. Она не забыла тебя, Родериго. Не забывала ни на секунду. Напротив, твое имя клеймом пылало на наших лицах, и мы до самых петухов вкушали сладость собственной низости.

Дон Родериго. Нет!

Дон Жуан. Но ведь это чистейшая правда!

Дон Родериго убегает.

Вот так, донна Анна, я проводил ночь в то время, как ты дожидалась меня у пруда. Таким я припадаю к твоим стопам. (Становится на колени.) В последний раз, я это знаю. Ты пришла, чтобы отнять у меня то последнее, что мне еще осталось: мой смех, не знающий раскаяния. Почему я не узнал тебя, когда обнимал? Я навсегда запомню твой образ в эту минуту, образ той, которую я предал и которая будет вечно стоять в лучах утреннего солнца, куда бы я ни ушел...

Женщина. Мой Жуан!

Дон Жуан. Неужели ты еще можешь верить, что я люблю тебя? Я думал, эта надежда к тебе не вернется. Как мне самому поверить в это?

Женщина. Встань!

Дон Жуан. Анна!

Женщина. Встань!

Дон Жуан. Я не вымаливаю у тебя прощения. Только чудо, но никак не прощение может спасти меня от испытаний прошедшей ночи...

Женщина. Встань!

Дон Жуан (встает). Мы потеряли друг друга, чтобы встретившись, уже больше не расставаться. Теперь мы вместе на всю жизнь! (Обнимает ее.) Моя жена!

Женщина. Мой муж!

Входит дон Гонсало с обнаженной шпагой.

Дон Гонсало. А! Вот он где!

Дон Жуан. Да, отец.

Дон Гонсало. Защищайтесь!

Дон Жуан. Вы опоздали, отец, мы снова поженились.

Дон Гонсало. Убийца!

Дон Жуан. Что за вздор!

Дон Гонсало. Защищайтесь!

Дон Жуан. Он просто не может понять, твой отец. Видит собственными глазами наше счастье, а понять не в силах.

Дон Гонсало. Счастье... Счастье... Он говорит - счастье...

Дон Жуан. Да, отец. Оставьте нас одних.

Дон Гонсало. А ты, шлюха... Этот негодяй снова заговаривает тебе зубы, и ты ему веришь!.. Сейчас я его заколю. (Делает выпад против Дон Жуана.)

Дон Жуан обнажает шпагу.

Смерть негодяю!

Дон Жуан. Стой!

Дон Гонсало. Защищайтесь!

Дон Жуан. Почему - убийца? В конце концов, это псы, да и не я их убил.

Дон Гонсало. А дон Родериго?

Дон Жуан. Где он?

Дон Гонсало. Обливаясь кровью, он проклял вас - соблазнителя его невесты!

Дон Жуан. Родериго? (Потрясенный вестью, смотрит невидящим взглядом, в то время как командор размахивает шпагой; раздраженно отмахивается от нее, как от назойливой мухи.) Да перестаньте же!

Дон Гонсало падает, сраженный молниеносным ударом. Он умирает.

(Вложив шпагу в ножны, вновь уставился в пустоту.) Его смерть потрясла меня. Я имею в виду Родериго. И зачем я только вздумал говорить ему правду... Он никогда меня не понимал, мой старинный друг. Но я любил его всей душой. И ведь предупреждал же его, что не переносу друзей, которые на меня полагаются. Почему я не промолчал? Только что он стоял здесь...

Женщина. Смерть! Смерть!

Дон Жуан. Не кричи!

Женщина. О Жуан!

Дон Жуан. Бежим!

В глубине сцены появляется отец Диего с трупом утопившейся донны Анны на руках.

(Не замечает его.) Бежим! Мы ведь поклялись в этом ночью у пруда... Это было так по-детски, как будто в нашей власти не терять друг друга. Что же ты стоишь? Я держу твою руку, как жизнь, которую нам подарили вторично. Она более подлинная, чем та первая, детская. И мы сами обогатились знанием о ее непрочности. Не дрожи. Посмотри на меня.словно выпущенный на волю из тюрьмы, я благодарно наслаждаюсь солнечным утром и всем живым... (Замечает отца Диего с трупом на руках.) Что это значит, отец Диего?

Молчание.

Отвечайте!

Молчание.

Которая из них моя невеста?

Молчание.

(Кричит.) Отвечайте!

Отец Диего. Она тебе больше не ответит, Дон Жуан, сколько ни кричи. Никогда. Она утопилась. Таков конец твоей свадьбы, Дон Жуан. Вот плод твоих забав.

Дон Жуан. Нет!

Отец Диего кладет труп на землю.

Это не моя невеста. Неправда! Я обручился с жизнью, а не с утопленницей с повисшими руками и травой в волосах. Место ли привидению среди бела дня? Я говорю - это не моя невеста.

Отец Диего. Кто же твоя невеста?

Дон Жуан. Та, другая.

Отец Диего. Почему же она бежит?

Женщина пытается скрыться, убегая по лестнице вверх. В этот миг входят трое кузенов.

Дон Жуан. Рад вашему приходу, господа. Мой друг умер.

Первый кузен. Умер.

Дон Жуан. А эта?

Отец Диего. Умерла.

Дон Жуан. И этот тоже. Никто не поверит, что он сам как курица, напоролся на мою шпагу. Но он воскреснет в образе памятника.

Второй кузен. Да разверзнутся небеса над нечестивцем!

Дон Жуан. А что с моим отцом?

Третий кузен. Умер.

Дон Жуан. Правда?

Кузены. Умер.

Дон Жуан. Каюсь, отец Диего, я кажусь самому себе чем-то вроде землетрясения или молнии. (Смеется.) Что касается вас, кузены, - спрячьте наконец ваши шпаги, чтобы остаться в живых и присутствовать на моей свадьбе. Смотрите: две невесты. Я должен выбрать одну из них - живую или мертвую. Отец Диего утверждает, что я обручен с мертвой. А я утверждаю: только она... (подходит к женщине в фате и берет ее за руку) только она одна моя невеста, она - живая, а не та, которая избрала смерть, чтобы проклинать меня до конца моих дней. Моя невеста та, что вернулась к заблудшему, чтобы он узнал ее. И я ее узнал.

Женщина. О Жуан!

Дон Жуан. Сними фату!

Женщина снимает фату.

Отец Диего. Миранда!

Дон Жуан закрывает лицо руками. Он не меняет позы до тех пор, пока со сцены не вынесут трупы и не смолкнет колокольный звон, сопровождающий траурную процессию.

Дон Жуан. Похороните бедное дитя, но не ждите, что я стану креститься, и не надейтесь, что я заплачу. И прочь с моего пути! Больше я уже ничего не боюсь! Еще посмотрим, кто над кем посмеется - небеса надо мной или я над ними!

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Зал.

Дон Жуан - теперь ему тридцать три года - стоит перед празднично накрытым столом, рассматривая серебро и свечи. Его слуга Лепорелло расставляет графины. Трое музыкантов ждут инструкций. В глубине - большой занавес.

Дон Жуан. Вы останетесь в соседней комнате. Понятно? А что касается "Аллилуйи"... Ну, если вдруг что-нибудь стрясется... Скажем, я провалюсь в преисподнюю или что-нибудь в этом роде...

Лепорелло. Хозяин!

Дон Жуан. ...вы будете продолжать играть. Понятно? Будете исполнять "Аллилуйю" до тех пор, пока никого не останется в зале. (Снимает белые перчатки, продолжая осматривать убранство стола.) Итак, приготовьтесь.

Музыкант. А как насчет гонорара?

Дон Жуан. Потом, потом.

Музыкант. Когда в зале никого не останется?

Дон Жуан. Господа, ко мне должны прийти тринадцать дам, утверждающих, будто я их соблазнил. Кроме того, я жду епископа Кордовы, который, как всем известно, на их стороне, и, наконец, я жду статую. Ее я тоже пригласил. Каменного гостя, так сказать... Господа, мне сейчас не до вашего гонорара, мне просто не до того...

Музыканты уходят.

Хорошо смотрится.

Лепорелло. Вина, хозяин, надолго не хватит. По рюмке на гостя...

Дон Жуан. Этого достаточно. У них быстро пропадет охота пить. Самое позднее - при появлении Каменного гостя.

Лепорелло. Хозяин...

Дон Жуан. Мы обанкротились.

Звонок.

Где карточки?

Лепорелло. Но вы же не верите всерьез, что он явится? Этот... на каменной подставке.

Дон Жуан. А ты в это веришь?

Лепорелло. Я? (Громко смеется, но мигом умолкает, когда вторично раздается звонок в дверь.) Может быть, это он?

Дон Жуан раскладывает карточки с именами гостей.

Хозяин!

Дон Жуан. Если это снова та дама в вуали, скажи, что я принципиально больше не принимаю завуалированных дам. Знаем мы их. Приходят спасать мою душу, а сами надеются, что из духа противоречия я их соблазню. Скажи этой даме, что она мне надоела.

Звонок раздается в третий раз.

Почему ты не открываешь?

Лепорелло в страхе выходит. Музыканты в соседней комнате настраивают инструменты.

Дон Жуан (раскладывает карточки с именами гостей. Долго рассматривает последнюю карточку). Ты живее всех живых, и тебя-то не будет! Единственная, кого я любил, первая и последняя... Любил и не узнал... (Сжигает карточку на свечке.) Пепел.

Возвращается Лепорелло.

Лепорелло. Епископ Кордовы.

Дон Жуан. Сдуй пепел со стола и скажи епископу Кордовы, чтобы он минуточку подождал. Но скажи это вежливо. Правда, я ему ничего не должен. Но он мне очень нужен. Без церкви нет и ада.

Лепорелло. Хозяин...

Дон Жуан. Что ты без конца дрожишь?

Лепорелло. Хозяин, надо же знать меру. Пригласить в гости надгробный памятник - мертвеца, который давным-давно сгнил и истлел... Ну, знаете ли... Конечно, хозяин, я, когда надо, могу быть мошенником и вообще ради денег готов пойти на все: я не трус. Но то, что вы вчера натворили на кладбище, это уж чересчур... Пригласить на обед памятник...

Голос. Дон Жуан!

Лепорелло. Святая Мария!

Голос. Дон Жуан!

Дон Жуан. Одну минутку!

Лепорелло. Это он!

Дон Жуан. Я же сказал: одну минутку!

Лепорелло. Господи, сжался надо мной! У меня жена и пятеро детей!
(Бросается на колени.) О небо, сжался надо мной!

Дон Жуан. Хочешь молиться - убирайся!

Лепорелло. Я слышал зов, я ясно его слышал!

Дон Жуан. Ну-ка встань!

Лепорелло встает с колен.

Теперь делай, что тебе велят. Пойди и скажи епископу Кордовы, что я его прошу. Только скажи это поцветастей, покрасивей. Мне нужно еще три минуты.

Лепорелло. Святая Мария!

Дон Жуан. И не забудь встать на колени, как полагается.

Лепорелло уходит.

Что еще там у вас? (Подходит к большому занавесу в глубине сцены.)

Из-за занавеса выходит Селестина, переодетая памятником. Только голова ее непокрыта.

Почему вы еще не переоделись?

Селестина. Шлем маловат.

Дон Жуан. Никто не заметит.

Селестина. Я замечу.

Дон Жуан делает знак, чтобы она исчезла.

И вообще я передумала.

Дон Жуан. Что?

Селестина. Говорите что угодно, но это богохульство. И пятисот песет за это мало. Как хотите.

Дон Жуан. Селестина!

Селестина. За богохульство - не меньше тысячи. Иначе я продам вас герцогине Рондской. У нее я получу ту же тысячу, да еще чистоганом.

Дон Жуан. Это называется вымогательством.

Селестина. Называйте как угодно. Дело не в названии, а в деньгах. Пятисот мне мало.

Дон Жуан. У меня больше нет.

Селестина. Тогда я отказываюсь.

Дон Жуан срывает что-то с шеи.

Амулет?

Дон Жуан. Последнее, что у меня осталось. И уходите! Если меня не поглотит ад, я пропал.

Селестина Не по моей вине вы обанкротились, Дон Жуан. Почему не приняли моего предложения? Стали бы богаче самого епископа Кордовы. Сколько раз говорить - замок из сорока четырех комнат...

Дон Жуан. Ни слова об этом!

Селестина. Еще не поздно.

Дон Жуан. Избавьте меня от сватовства! Это известно всей Испании, и вам я еще раз повторяю: я не женюсь!

Селестина. Многие так говорили.

Дон Жуан. Замолчите!

Селестина исчезает за занавесом. Дон Жуан в напряженном ожидании, но входит один Лепорелло.

Что случилось?

Лепорелло. Хозяин... Я забыл, что надо было сказать... Он весь такой парадный и ходит взад-вперед по залу, словно не может дожидаться, когда небо нас покарает.

Дон Жуан. Скажи, что я его жду.

Лепорелло выходит, оставляя раскрытыми обе створки двери. Дон Жуан готовится к приему епископа: отодвигает кресло, репетирует поклоны, потом делает знак музыкантам. Раздается торжественная музыка. Дон Жуан стоит перед зеркалом, поправляя жабо. В открытую дверь входит дама в вуали. Пауза. Дон Жуан замечает ее в зеркале. Вздрагивает, не оборачиваясь к ней.

Дама. Чего ты испугался?

Дон Жуан. Мне известно единственное, что для меня важно, - ты не Донна Анна. Донна Анна умерла - к чему эта вуаль? (Оборачивается.) Кто вы?

Дама. Ты не захотел меня принять. Но дверь оказалась открытой.

Дон Жуан. Чем могу служить?

Дама. Когда-то я тебя любила, потому что шахматы влекли тебя больше, чем женщины. И потому что ты прошел мимо меня, как мужчина, у которого есть твердая цель. Но осталась ли она у тебя? Прежде это была геометрия. Давно это было! Я вижу твою жизнь, Жуан: полно баб и никакой геометрии.

Дон Жуан. Кто же ты?

Дама. Теперь я герцогиня Рондская.

Дон Жуан. Вы вошли в зеркало черной, как смерть, герцогиня. Можно и не быть такой черной, чтобы меня напугать. Женщина всегда напоминает мне о смерти. Особенно цветущая женщина.

Дама. Я в черном, потому что я вдова.

Дон Жуан. Из-за меня?

Дама. Нет.

Дон Жуан. Так о чем же речь, герцогиня Рондская?

Дама. Речь идет о твоём спасении.

Дон Жуан. Вы та самая дама, которая хочет выйти за меня замуж. Вы замок из сорока четырех комнат. Ваши выдержка и терпение поразительны! Впрочем, вы правы: хотя шахматы и влекут меня неудержимее, чем любая женщина, жизнь моя полна баб. И все же вы ошибаетесь! До сих пор женщинам не удалось меня победить, герцогиня Рондская! И я скорее попаду в ад, чем женюсь.

Дама. Я пришла к вам не как женщина.

Дон Жуан. Вы хотите меня пристыдить.

Дама. Я пресытилась мужчинами. Настолько, что не могу на них смотреть без улыбки. Один из них, возомнив, что без моей улыбки он не проживет, сделал меня герцогиней, после чего скончался.

Дон Жуан. Понимаю...

Дама. Теперь у меня этот замок в Ронде.

Дон Жуан. Мне о нем рассказывали.

Дама. Я подумала так: ты сможешь жить в левом флигеле, а я буду жить в правом, как жила до сих пор. Между флигелями огромный двор. Тишину нарушает только журчание фонтана. Нам вовсе не обязательно друг с другом общаться, разве только в тех случаях, когда захочется поговорить. Плюс ко всему состояние покойного герцога, достаточно большое, чтобы не только оплатить твои дурацкие долги, но и заставить замолчать все суды мира, обвиняющие тебя в убийстве. Короче говоря, пока ты будешь жить в Ронде, никто на свете не сможет тебе помешать заниматься геометрией.

Дон Жуан. Но...

Дама. Никаких "но".

Дон Жуан. Должен признать, герцогиня Рондская, что ваше понимание мужчин поразительно. Но какова же цена за спасение?

Дама. Только та, что ты его примешь, Жуан!

Дон Жуан. И это все?

Дама. Возможно, я тебя еще люблю. Пусть это тебя не пугает. Я поняла, что больше не нуждаюсь в тебе, Жуан. Это и есть то главное, что я тебе предлагаю: я женщина, которая не одержима идеей, будто бы без тебя невозможно жить. (Пауза.) Подумай об этом. (Пауза.) Ты всю жизнь любил самого себя, но ни разу себя не нашел. Поэтому ты нас ненавидел. Ты ни в одной из нас не видел жены. Только женщину. Только эпизод. Но эпизод поглотил всю твою жизнь. Почему бы тебе не подумать о жене, Жуан? Единственный раз. Это единственный путь к твоей геометрии.

Входит Лепорелло с епископом Кордовы.

Лепорелло. Его преосвященство!

Дон Жуан. Простите, герцогиня Рондская, у меня деловой разговор с его преосвященством. Но я надеюсь вскоре вас увидеть за столом. Без вуали.

Дама. В Ронде, дорогой Жуан. (Подбирает юбку и, сделав глубокий поклон, уходит в сопровождении Лепорелло, который закрывает за собой дверь.)

Дон Жуан. Видите, ваше преосвященство, ни минуты покоя. Все меня хотят спасти, женив на себе. Ваше преосвященство! (Становится на колени.) Благодарю вас, что вы пришли!

Епископ. Встаньте!

Дон Жуан. Вот уже двенадцать лет, как меня преследует испанская церковь. Я стою перед вами на коленях не по привычке, а из глубокой благодарности к вам. Небо тому свидетель. Как я мечтал, ваше преосвященство, поговорить наконец с мужчиной!

Епископ. Встаньте!

Дон Жуан встает.

Что вы хотите мне сказать?

Дон Жуан. Присядьте, ваше преосвященство!

Епископ садится.

Я не в состоянии больше ни видеть, ни слышать женщин, ваше преосвященство. Не могу понять творца. Зачем ему понадобилось создавать два пола? Я много об этом думал - о мужчине и женщине, о неисцелимой ране, нанесенной роду человеческому, о видах и об отдельных особях, но в первую очередь - о личности, до сих пор не обретшей себя.

Епископ. Вы поближе к делу.

Дон Жуан садится.

О чем идет речь?

Дон Жуан. Говоря в двух словах - о создании легенды.

Епископ. Как, простите?

Дон Жуан. О создании легенды. (Берет со стола графин.)

Забыл вас спросить, ваше преосвященство, вы пьете?

Епископ делает отрицательный жест.

Дон Жуан. У нас мало времени, скоро появятся дамы. Позвольте говорить без обиняков.

Епископ. Прошу вас.

Дон Жуан. Мое предложение в двух словах сводится к следующему: Дон Жуан Тенорио, ваш, так сказать, легендарный враг, сидящий перед вами в расцвете сил и собирающийся обрести бессмертие, более того, собирающийся стать мифом, - этот самый Дон Жуан Тенорио принял твердое решение умереть не позднее сегодняшнего дня.

Епископ. Умереть?

Дон Жуан. На известных условиях.

Епископ. На каких же?

Дон Жуан. Мы свои люди, ваше преосвященство. Буду откровенным: вы, то есть испанская церковь, выплачиваете мне скромную ренту и отдаете в мое распоряжение келью в монастыре - мужском монастыре. Келью не слишком маленькую, если позволите, и по возможности с видом на Андалузские горы. Там я буду жить, питаясь хлебом и вином, безмянненький, не тревожимый женщинами, в полной тишине и наедине со своей геометрией.

Епископ. Гм...

Дон Жуан. А вы, епископ Кордовы, получите от меня то, в чем нуждаетесь гораздо больше, чем в деньгах: миф о богохульнике, которого поглотил ад. (Пауза.) Что вы на это скажете?

Епископ. Гм...

Дон Жуан. Ваше преосвященство, вот уже в течение двенадцати лет стоит этот памятник с неприятным для меня изречением: **ДА РАЗВЕРЗНУТСЯ НЕБЕСА НАД НЕЧЕСТИВЦЕМ!** А я, Дон Жуан Тенорио, прохаживаюсь мимо этого памятника всякий раз, как приезжаю в Севилью, здоровехонек не хуже любого другого. Как долго, ваше преосвященство, как долго еще мне будет позволено безобразничать? Соблазнять, убивать, смеяться и как ни в чем не бывало проходить дальше? (Встает.) Что-то должно произойти, епископ Кордовы, непременно должно произойти.

Епископ. И произойдет!

Дон Жуан. Подумайте о моем влиянии на молодежь! Ведь она берет с меня пример. Я уже вижу приближение целой эпохи - пустой и никчемной, как я, но смелой от сознания своей безнаказанности. То будет поколение насмешников, возомнивших себя Дон Жуанами, людей мелко тщеславных, в погоне за модой презирающих все и вся, людей и недалеких и безнадежно глупых... Я уже вижу ее приближение...

Епископ. Гм...

Дон Жуан. А вы разве не видите?

Епископ берет со стола графин и наполняет стакан.

Поймите меня правильно, епископ Кордовы, я устал не только от дам, я духовно устал - устал от богохульства. Двенадцать лет жизни, безвозвратно погубленной этим ребяческим противоборством с голубым воздухом, называемым небесами! Я ни от чего не отступаю, но вы сами видите, ваше преосвященство, - мое богохульство меня же еще и прославило.

Епископ пьет.

Я в отчаянии.

Епископ пьет.

Тридцати трех лет от роду я разделил судьбу многих знаменитостей: всему миру известно о моих подвигах, но мало кто проник в их смысл. Меня охватывает ужас, когда я слышу, что обо мне болтают люди. Будто бы для меня все дело в женщинах!

Епископ. Но все же...

Дон Жуан. Вначале, признаюсь, это меня забавляло: о моих руках говорят, что они вроде волшебного жезла - разом отыскивают то, что законный супруг был не в силах отыскать в течение десяти лет брака. Я имею в виду источник наслаждения.

Епископ. Вы говорите о славном Лопесе?

Дон Жуан. Я не хочу называть имен, ваше преосвященство.

Епископ. Дон Бальтасар Лопес...

Дон Жуан. Я ко всему был готов, ваше преосвященство, но только не к скуке. Эти сладострастные рты, эти глаза - мутные глаза, суженные от страсти, - я не могу их больше видеть. Именно вы, епископ Кордовы, как никто другой, подогреваете мою славу. Вот в чем парадокс! Дамы, возвращаясь с ваших проповедей, мечтают обо мне, а мужья обнажают клинки прежде, чем я обращаю внимание на их жен, и таким образом мне приходится драться буквально на каждом шагу! Подобная постоянная тренировка сделала из меня виртуоза, и не успеваю я спрятать шпагу в ножны, вдовы уже виснут у меня на шее и рыдают в ожидании, что я их утешу. А что мне остается делать? Я вынужден идти на поводу своей славы, быть ее жертвой; а вот об

этом в нашей деликатной Испании никто не говорит: ведь женщины меня просто насилуют! Есть и другой выход - оставить бедную вдову без внимания, повернуться к ней спиной и уйти. Но ведь это сложнее всего, ваше преосвященство! Вам-то уж хорошо известен мстительный характер женщин, которые тщетно ждут, что их соблазнят.

Стук в дверь.

Одну минуту!

Стук в дверь.

Епископ. Что вы на меня так смотрите?

Дон Жуан. Странно.

Епископ. Что странно?

Дон Жуан. Впервые вижу вас так близко, епископ Кордовы. Мне казалось, что вы гораздо полнее.

Епископ. Мой предшественник, может быть.

Дон Жуан. Тем не менее у меня такое чувство, будто мне ваше мрачное лицо хорошо знакомо. Где мы могли встречаться?

Стук в дверь.

Очень странно...

Стук в дверь.

Я говорил о своей беде.

Епископ. Вы оскверняли браки, разрушали семьи, соблазняли дочерей, убивали отцов, - не говоря уж о мужьях, переживших свой позор, - и вы, причина всех этих бед, вы осмеливаетесь говорить о какой-то своей беде!

Дон Жуан. Вы дрожите!

Епископ. Быть рогоносцем, над которым смеется вся Испания, - вы когда-нибудь испытывали что-либо подобное?

Дон Жуан. А вы, ваше преосвященство?

Епископ. Супруг, вроде этого славного Лопеса...

Дон Жуан. Что он вам дался, этот Лопес? Не родственник ли вы ему? Да, я знаю, он пожертвовал половиной своего состояния, чтобы испанская церковь не прекращала меня преследовать. Теперь он окружил мой дом своими шпиками. Вы побледнели, ваше преосвященство, но это же факт: не успеваю из дому выйти кого-нибудь да заколю. Просто беда, ваше преосвященство, поверьте мне наваждение какое-то!

Входит Лепорелло.

Не мешай нам!

Лепорелло уходит.

Епископ. Вернемся к существу дела.

Дон Жуан. Пожалуйста.

Епископ. Сотворение легенды.

Дон Жуан. Мне достаточно вашего согласия, епископ Кордовы, и легенда уже сотворена. Я нанял человека, который изобразит покойного командора, и дамы завопят, как только услышат его замогильный голос. Об этом не беспокойтесь! К тому же я засмеюсь нахальным смехом - и у них мурашки по спине пробегут... А когда в нужный момент раздастся грохот и дамы от страха спрячут лица - вот взгляните на это устройство под столом, ваше преосвященство, - тут же запахнет серой и дымом. Само собой разумеется, что все произойдет очень быстро. Неожиданность - мать чуда. А вы - так я себе это представлял - произнесете соответствующую случаю речь, как вы это обычно делаете, - речь о неотвратимости небесной кары, музыканты заиграют "Аллилуйю" - и конец.

Епископ. А вы?

Дон Жуан. Спрыгну в подвал. Взгляните на эту хитроумную крышку в полу. Конечно, я заору благим матом, вызывая у собравшихся ужас и сострадание совсем по Аристотелю. В погребке я переоденусь в коричневую рясу, сбрую свои прославленные усы, и вскоре по пыльной дороге поплетется монах.

Епископ. Понимаю.

Дон Жуан. Одно условие: мы оба храним тайну. Иначе все пропало. Слух о моем низвержении в ад мигом разнесется по всей стране, и чем меньше будет свидетелей, тем богаче воображение остальных распишет подробности происшествия. Не найдется никого, кто бы в нем усомнился. Все будут довольны - и дамы, и их мужья, и полчища кредиторов. Никто не останется в обиде. Что может быть чудеснее?

Епископ. Понимаю.

Дон Жуан. Дон Жуан умер. Теперь я могу спокойно заняться своей геометрией. А церковь получит доказательство небесного правосудия. Другого столь убедительного примера вы не найдете во всей Испании.

Епископ. Понимаю.

Возвращается Лепорелло

Лепорелло. Хозяин...

Дон Жуан. В чем дело?

Лепорелло. Дамы пришли...

Дон Жуан. Где они?

Лепорелло. Во дворе. Они негодуют, хозяин. Каждая думала - мол, с глазу на глаз... Если б я не запер ворота на задвижку, они бы все улетучились. Раскудахтались, как на андалузском птичьем дворе.

Дон Жуан. Хорошо.

Лепорелло. Для точности скажу - вы ведь любите точность - теперь они немного успокоились, рассматривают друг друга и обмахиваются веерами.

Дон Жуан. Пусть войдут. (Посмотрев на епископа.) Скажем, минут через пять.

Лепорелло уходит.

Ваше преосвященство, назовите мне монастырь.

Епископ. Вы говорите так уверенно...

Дон Жуан. Конечно, церковь может устроить лишь абсолютно удавшаяся легенда. Ваши сомнения мне понятны. Епископ Кордовы, будьте совершенно уверены - история получится очень правдоподобной. Она вовсе не так оригинальна: сюжет старый - статуя убивает убийцу... Это встречается уже в античной литературе. Ну а насмешки над черепом, в наказание забирающим с собой насмешника на тот свет, - этот сюжет нам известен по бретонским балладам, которые распевает наши солдаты. Мы имеем дело с традицией.

Епископ снимает с себя шляпу и темные очки и предстает в своем подлинном облике.

Дон Бальтасар Лопес?

Лопес. Да.

Дон Жуан. Ах, так...

Лопес. Мы с вами встречались всего лишь однажды. Да и виделись только миг. Белый занавес задел свечу, когда я открыл дверь и обнаружил вас у моей жены. Вспыхнуло пламя, помните? Мне пришлось его гасить.

Дон Жуан. Помню.

Лопес. Драться было некогда.

Дон Жуан обнажает шпагу.

Теперь, когда я узнал, каким способом вы решили избежать мести, мне доставит особенное удовольствие разоблачить вашу кощунственную легенду. Впустите дам. Вы останетесь здесь, на этой земле, Дон Жуан Тенорио, так же, как и мы. И я не успокоюсь до тех пор, пока и вы, Дон Жуан Тенорио, не станете супругом.

Дон Жуан. Ха-ха!

Лопес. А именно - супругом моей жены.

Входит Лепорелло.

Лепорелло. Дамы!

Лопес. Бывает, что и хороший шахматист идет не с той фигуры и неожиданно ставит самому себе мат.

Дон Жуан. Это мы еще посмотрим.

Входят тринадцать дам. Все они в бешенстве, однако при виде мнимого епископа - Лопес вновь надел епископскую шляпу замолкают. Дамы целуют полу его рясы. Сначала все преисполненно достоинства. Но потом:

Донна Эльвира. Ваше преосвященство, нас обманули...

Донна Белиза. Бессовестно обманули!

Донна Эльвира. Я думала, он при смерти...

Донна Изабелла. Я тоже...

Донна Виола. Мы все так думали...

Донна Эльвира. Честное слово, иначе я никогда бы не пришла...

Донна Фернанда. Все мы...

Донна Эльвира. Я, вдова командора...

Донна Фернанда. Я тоже думала, он при смерти...

Донна Инес. Я тоже, я тоже...

Донна Эльвира. Я думала, он раскаивается...

Донна Белиза. Мы все так думали...

Донна Изабелла. Я думала, он хочет покаяться...

Донна Виола. Я была уверена...

Донна Эльвира. Ваше преосвященство, я Дама...

Донна Белиза. А мы?

Лопес. Донна Белиза...

Донна Белиза. Разве мы не дамы, ваше преосвященство?

Лопес. Успокойтесь, донна Белиза, я знаю: вы супруга славного Лопеса.

Донна Белиза. Не называйте этого имени.

Лопес. Почему?

Донна Белиза. Славный Лопес! Так он сам себя величает. А ведь он даже не бился из-за меня, ваше преосвященство, даже не дрался на шпагах. Все остальные мужья хотя бы дрались, а я единственная в этом кругу не вдова.

Лопес. Успокойтесь!

Донна Белиза. Славный Лопес!

Донна Эльвира. Ваше преосвященство, я всего могла ожидать, но только не этого парада расфуфыренных неверных жен, которые осмеливаются ставить себя на одну доску со мной.

Дамы. Ах!

Донна Эльвира. Вам только возмущаться пристало, ханжи несчастные! Сколько ни обмахивайтесь, я-то знаю, зачем вас потянуло в этот проклятый дом!

Донна Белиза. А вас?

Донна Эльвира. Где он, ваш возлюбленный, где же он? Я ему сейчас глаза выцарапаю!

Дон Жуан. Я здесь! (Входит в круг разъяренных дам, как тореро.) Благодарю вас за то, что вы все пришли. Впрочем, не все... Но мне кажется, вас вполне достаточно, чтобы отпраздновать мое сошествие в ад.

Лепорелло. Хозяин...

Дон Жуан. Присядем, мои возлюбленные!

Дамы стоят, застыв в неподвижных позах и не обмахиваясь.

Признаюсь, странно видеть всех своих возлюбленных вместе, в одном зале. Очень странно... Я пытался себе заранее это представить, и ничего не получилось. Не знаю, что мне сказать в этот торжественный час вам, собравшимся здесь... Вы такие чужие друг другу и все же близкие... Благодаря мне - чужие и близкие... И ни одна из вас не смотрит на меня...

Дамы обмахиваются.

Мои возлюбленные, когда-то мы любили друг друга!

Одна из дам плюет ему под ноги.

Сам удивляюсь, донна Виола, как мало осталось от всего этого...

Донна Изабелла. Меня зовут не Виолой.

Дон Жуан. Прости!

Донна Виола. Он назвал ее Виолой!

Дон Жуан. И ты меня прости!

Донна Виола. Этого я не вынесу!

Дон Жуан. Как мимолетно, однако, ощущение, которое в тот самый миг, когда мы его испытываем, настолько близко подносит нас к вечности, что она ослепляет нас! О донна Фернанда, как все это горько!

Донна Изабелла. Я не Фернанда!

Дон Жуан. Дорогая...

Донна Изабелла. Ты всех так называл: моя дорогая!

Дон Жуан. Я никогда не мыслил это конкретно, донна Изабелла... Теперь я вспомнил, донна Изабелла! У тебя такая чувствительная душа, почему ты не зарыдала сразу же? (Лопесу.) Память у мужчин очень странная, вы правы. Они запоминают лишь второстепенное: белый занавес, задевший свечу...

Донна Белиза. О господи!

Дон Жуан. Или, например, шорох тростника, который меня так напугал, что я обнажил шпагу. А это была утка при луне...

Донна Виола. О господи!

Дон Жуан. В памяти остаются предметы: безвкусная ваза, домашние туфли, фарфоровое распятие. Иногда запахи: аромат увядших мирр...

Донна Изабелла. О господи!

Дон Жуан. И так далее, и так далее. А на заре моей юности, такой короткой, я слышу хриплый лай собак в ночном парке.

Донна Эльвира. О господи!

Донна Клара. О господи!

Донна Инес. О господи!

Дон Жуан. И это все, что я могу вспомнить.

Дамы закрывают веерами лица.

Лепорелло, зажги свечи!

Лепорелло зажигает свечи.

Не знаю, отличаюсь ли я от других мужчин. Помнят ли они о ночах, проведенных с женщинами? Мне становится страшно, когда я оглядываюсь на свою жизнь. Мне тогда кажется, что я как пловец - не оставляю следов. А у вас не так? И если юноша меня спросит: "А как это бывает с женщинами?" - я не знаю, что ему ответить, откровенно говоря. Забывается, как вкус еды, как боль, и лишь при повторении я вспоминаю: вот как это бывает, так всегда было...

Лепорелло зажег свечи.

Не знаю, дон Бальтасар, вы хотите теперь же открыться или попозже?

Донна Белиза. Что он сказал?

Лопес. (снимает с себя шляпу). Меня зовут Лопес.

Донна Белиза. Ты?

Лопес. Дон Бальтасар Лопес.

Дон Жуан. Если не ошибаюсь, казначей города Толедо и кавалер множества орденов, как видите. Господин Лопес всю свою жизнь брал на себя неблагодарную роль представителя оскорбленных мужей.

Лопес. Вашим насмешкам, Дон Жуан, пришел конец.

Слышен глухой стук.

Дон Жуан. Тихо там!

Слышен глухой стук.

Слово имеет господин Лопес из Толедо.

Слышен глухой стук.

Лопес. Дамы, не пугайтесь! Я знаю, что здесь затеяли! Выслушайте меня!

Лепорелло. Хозяин...

Дон Жуан. Тише!

Лепорелло. Двери заперты...

Дамы в ужасе кричат.

Лопес. Выслушайте меня!

Дамы подбегают к дверям.

Дон Жуан. (садится на край стола и наливает вино в свой бокал).
Выслушайте его!

Лопес. Дамы...

Дон Жуан. Разрешите мне тем временем выпить. Ужасно пить хочется.
(Пьет.) Говорите же, наконец.

Лопес. Он не покинет этого дома, пока не будет наказан. Я об этом позаботился. Пришел час правосудия. Чаша преступлений переполнилась.

Дон Жуан. Мне казалось, давно уж. (Пьет.) И тем не менее ничего не произойдет. В этом вся штука. Разве вчера на кладбище мы не сделали все от нас зависящее, чтобы как следует поизмываться над командором?

Лепорелло. Хозяин...

Дон Жуан. Разве я не пригласил его на сегодняшнее торжество?

Донна Эльвира. Моего мужа?

Дон Жуан. Мой brave слуга видел собственными глазами, как он кивнул своим каменным шлемом, твой муж, как бы говоря, что сегодня у него найдется время. Почему же он не приходит? Уже за полночь. Что же мне еще делать, чтобы ваше небо наконец покарало меня?

Слышен глухой стук.

Лопес. Оставайтесь здесь, донна Эльвира!

Слышен глухой стук.

Все это неправда, низкий обман и жульничество, он хочет вас одурачить вот и все. Посмотрите сюда - видите эту хитроумную машину под столом? Он хочет напугать вас серой и грохотом, чтобы вы от страха потеряли разум и поверили, что Дон Жуана поглотил ад... Весь этот суд небесный - сплошной спектакль, невиданное кощунство, придуманное, чтобы избежать земной кары. Его план - сотворив легенду, одурачить всю Испанию, чтобы избежать нашего наказания. Вот и все, и весь его план. Сплошной спектакль!

Дон Жуан смеется.

Будете отрицать?

Дон Жуан. Ни в коем случае!

Лопес. Дамы, вы слышали?

Дон Жуан. Сплошной спектакль!

Лопес. Смотрите: в полу крышка, смотрите сюда, дамы, вот эта крышка, убедитесь сами!

Дон Жуан смеется.

Сплошной спектакль!

Дон Жуан. И ничего более. (Пьет.) Я уже в течение двенадцати лет повторяю: не существует в природе настоящего ада, потустороннего мира, небесного правосудия. Господин Лопес абсолютно прав: сплошной спектакль.

Лопес. Дамы, вы слышали?

Дон Жуан. Вот здесь. (Встает и подходит к занавесу в глубине сцены, открывает его. Виден памятник командору.) Пожалуйста.

Дамы вскрикивают.

Что вы дрожите?

Голос. Дон Жуан!

Лепорелло. Хозяин!.. Хозяин!

Голос. Дон Жуан!

Дон Жуан. Сплошной спектакль.

Голос. Дон Жуан!

Лепорелло. Хозяин! Он руку протянул!

Дон Жуан. Вы видите, я его не боюсь, мои дорогие, яжимаю его каменную руку... (Жмет руку памятнику.)

Раздается грохот. Дым. Дон Жуан и памятник опускаются в люк, музыканты играют заказанную Дон Жуаном "Аллилуйю".

Лопес. Все это неправда, дамы, все это неправда! Клянусь вам! Не надо креститься!

Дамы опускаются на колени и крестятся.

Бабье!

Все двери отворяются. В каждой - по стражнику.

Почему вы ушли с ваших постов?

Стражник. Где он?

Лопес. Теперь он добился своего...

Интермедия

На прощенииуме - Селестина и Лепорелло.

Селестина Мне надо с ней поговорить наедине. Ты оставайся в коляске. Я тебя знаю. Увидишь монастырский сад, услышишь звон вечернего колокола сразу и размякнешь. Того и гляди сам поверишь, что он в аду.

Входит монахиня.

Сестра Эльвира?

Лепорелло уходит.

Меня совесть замучила, сестра Эльвира, вот я и пришла. Все из-за тогдашнего. Не надо было мне этого делать. Только теперь поняла, что натворила. Вот и мучаюсь, когда вижу, как вы молитесь целыми днями. И все из-за того, что поверили в приход Каменного гостя. Вот уж не думала, что кто-нибудь попадется на эту удочку! Честное слово! А сегодня вся Испания в это верит! Открыто никому и правды не скажешь. Бедняга Лопес! Слыхали о нем? Его изгнали из Испании только за то, что он открыто говорил: вся эта история с Каменным гостем - надувательство. Сестра Эльвира, ведь это я изображала Каменного гостя, не кто иной, как я! Бедный Лопес! Об этом вы уже знаете бедняга повесился в Марокко, после того как подарил все свое состояние испанской церкви. А теперь ему и испанская церковь не верит! Почему так трудно пробиться правде в Испании? Я три часа сюда добиралась, чтобы рассказать вам правду, сестра Эльвира, голую правду. Послушайте меня! Ведь меня последней посвятили в эту дурацкую историю,

и теперь мне горько думать, что из-за этого вы ушли в монастырь, сестра Эльвира, только из-за этого. Между нами, сестра Эльвира: он вовсе не в аду. Поверьте мне! Я знаю, где он, но сказать не имею права. Меня подкупили, сестра Эльвира, и заплатили очень прилично. А то на какие бы деньги я наняла его слугу! Сестра Эльвира, говорю вам как женщина женщине: Дон Жуан жив, я видела его собственными глазами. Ни о каком аде и речи нет. Можете молиться сколько хотите.

Вечерний звон колокола. Монахиня уходит.

Ничего не поделаешь!

Входит Лепорелло

Марш на козлы! У меня нет времени на людей, которые из-за боязни правды ударились в религию. Перекрестись!

Лепорелло. Селестина...

Селестина. Дон Жуан в аду!

Лепорелло. А мое жалованье? Жалованье мое!

Селестина. Марш на козлы!

Лепорелло. "Voilà par sa mort un chacun satisfait: Ciel offense, lois violées, filles séduites, familles deshonorées parents outragés, femmes mises à mal, mariées poussées à bout, tout le monde est content. Il n'y a que moi seul de malheureux, qui, après tant d'années de service, n'ai point d'autre récompense que de voir à mes yeux l'impie de mon maître punie par le plus épouvantable châtiment du monde!"

1.

1 Смерть Дон Жуана всем на руку. Разгневанное небо, попранные закон, соблазненные девушки, опозоренные семьи, оскорбленные родители, погубленные женщины, мужья, доведенные до крайности, - все довольны. Не повезло только мне: прослужив столько лет, я не получил другой награды, кроме возможности увидеть собственными глазами, как несчастливую жизнь моего хозяина постигла самая страшная кара на свете! (франц.)

АКТ ПЯТЫЙ

Лоджия.

На переднем плане стол, накрытый на двоих. Дон Жуан явно кого-то ждет. Вскоре он, потеряв терпение, звонит в колокольчик. Входит слуга.

Дон Жуан. Сколько раз надо просить, чтобы меня не отрывали зря от работы и не звали раньше времени к столу! Снова целых полчаса жду! И так дни чересчур коротки. Я знаю, Алонзо, ты тут ни при чем. (Берет в руки книгу.) Где же она?

Слуга пожимает плечами.

Спасибо. Хорошо. Я тебе ничего не говорил.

Слуга уходит.

(Пробует читать, потом швыряет книгу в угол. Кричит.) Алонзо! Позовешь меня, когда все будет готово. Я у себя в келье! (Собирается уходить.)

Из сада выходит толстый епископ Кордовы, бывший Отец Диего. В руке у него астра.

Епископ. Куда спешите?

Дон Жуан. Ах!

Епископ. Мы вас ждали в саду. Божественный вечер! Жаль, что сегодня я не могу остаться. Стоя в ваших аркадах над пропастью и любуясь потоком Ронды и астрами, пылающими в последних лучах заходящего солнца, наслаждаясь прохладной голубизной вечерней долины, я всякий раз думаю: у вас под ногами сущий рай!

Дон Жуан. Я знаю.

Епископ. Уже осень...

Дон Жуан. Выпьете вина, Диего?

Епископ. С удовольствием.

Дон Жуан наполняет два бокала вином из графина.

Я только что говорил: до чего эти мавры, создавшие такие сады, умели улаживать тело! Надо же было обладать таким талантом! Все эти анфилады

сквозных дворов, наполненных прохладой и тишиной... Тишиной ни в коем случае не могильной, но пронизанной тайной голубых пространств, исчезающих сквозь изящную резьбу решеток. Мы купаемся в этих тенях и дышим прохладой, просвечиваемой золотыми бликами вечернего солнца на каменных стенах. Как остроумно! Как красиво! И все - для улады нашей кожи! Я не говорю уже о фонтанах. С каким искусством они, эти мавры, заставили природу играть на струнах наших чувств! С каким мастерством наслаждались непостоянством материи! С каким умением заботились об одухотворенности плоти! Какая культура! (Нюхает астру.) Герцогиня сейчас придет.

Дон Жуан. Да-да.

Епископ. Она себя неважно чувствует.

Дон Жуан подносит епископу бокал вина.

Как поживает геометрия?

Дон Жуан. Спасибо.

Епископ. Меня очень заинтересовало то, что вы мне говорили в прошлый раз. Все, что вы рассказывали об измерениях и о том, что геометрия откроет истину, какую мы и представить себе не можем... Я правильно запомнил? Линия, плоскость, пространство... Но что же будет четвертым измерением? И все же вы теоретически доказали, что оно существует...

Дон Жуан осушает свой бокал.

Что с вами, Дон Жуан?

Дон Жуан. Со мной? Ничего. С чего вы взяли? Все в порядке. (Наполняет свой бокал.) Пустяки. (Осушает второй бокал.) А что вы имели в виду?

Епископ. За ваше здоровье.

Дон Жуан. За ваше. (В третий раз наполняет свой бокал.) Каждый день прошу об одном - чтоб меня раньше времени не звали к столу. И ничего не могу поделать. Сначала все было из-за гонга: герцогиня его не слышала, потому что его забивала трескотня кузнечиков. Тогда я заказал другой, который перекрывает шум Ронды. Только подумайте: вся Ронда знает, когда здесь подают обед. Одна герцогиня не знает. Сколько раз я твердил своим

слугам, чтобы первой звали к столу герцогиню и только потом меня. Вам смешно! Я знаю, это мелочи, о них и говорить не стоит. Но они-то и превращают мою жизнь в пытку. Что мне делать? Ведь я ее пленник, не забывайте об этом, я не могу уйти из замка. Если меня увидят снаружи - легенде конец, а это значит, что мне вновь придется войти в образ Дон Жуана. (Выпивает третий бокал.) Не будем об этом говорить.

Епископ. Дивный херес!

Дон Жуан молчит, с трудом сдерживая гнев.

Дивный херес!

Дон Жуан. Простите! (Наполняет бокал епископа.) Я вам ничего не говорил.

Епископ. За ваше здоровье!

Дон Жуан. За ваше.

Епископ. Герцогиня - чудесная женщина. (Пьет.) Она счастлива и при этом умна. Она прекрасно знает, что вы, ее муж, вовсе не так уж счастливы, и это единственное, на что она мне жалуется, когда мы остаемся одни.

Дон Жуан. Я знаю, она тут ни при чем.

Епископ. Но?

Дон Жуан. Не будем об этом говорить.

Епископ пьет.

Каждый раз, когда я вхожу в эту лоджию, каждый раз - изо дня в день, из года в год - меня охватывает чувство, что я этого не вынесу. Пустяки? Но я действительно этого не вынесу! А когда она наконец является, я делаю вид, что все это и впрямь пустяки. Мы садимся за стол, и я говорю: приятного аппетита.

Епископ. Вы ее любите.

Дон Жуан. И это тоже. Когда она неделю проводит в Севилье, где она красит волосы, не скажу, что я тоскую...

Епископ. Но все же тоскуете?

Дон Жуан. Да.

Епископ. Плохо, когда мужчина одинок, как сказано в Писании, вот господь и создал ему спутницу жизни.

Дон Жуан. Он решил, что тогда все будет в порядке?

Входит слуга с серебряным подносом.

Еще рано.

Слуга уходит.

Серьезно, я теперь более, чем когда-либо, недоволен творцом, расколовшим нас на мужчин и женщин. Я каждый раз дрожу за столом. Чудовищно, что человек сам по себе еще не целое! И чем сильнее его мечта стать целым, тем более он проклят судьбой, отдавшей его в рабство другому полу. Чем мы это заслужили? А ведь я обязан быть благодарным, я это знаю. Приходится выбирать между смертью и жизнью здесь - в этом замке. И быть благодарным за эту тюрьму, утопающую в райских садах.

Епископ. Мой друг!

Дон Жуан. Это тюрьма!

Епископ. Из сорока четырех комнат! Что же тогда говорить другим, Дон Жуан, у кого совсем маленькие квартиры?

Дон Жуан. Я им завидую.

Епископ. В чем же?

Дон Жуан. Они сходят с ума и не замечают этого... Почему меня не пустили в монастырь?

Епископ. Не всем суждено жить в монастыре!

Дон Жуан. Плодитесь и размножайтесь!

Епископ. Так сказано в Писании.

Дон Жуан. Вы знаете, никакие проклятия, ни одна шпага в мире не могли заставить меня дрожать! Но вот она - женщина, которая меня любит, - ежедневно доводит меня до этого. Как ей удастся? Я только вижу, что не в силах высмеивать то, что достойно осмеяния, что я мирюсь с тем, с чем нельзя мириться. Пусть она женщина. Пусть она лучше любой другой женщины в мире, но все же она женщина, а я мужчина. И тут уже ничего не поделаешь, ваше преосвященство, тем более - доброй волей. Начинается борьба благородства кто раньше пристыдит другого великодушием. Посмотрели бы вы на нас, когда мы одни! Ни одного громкого слова! Сплошная идиллия. Правда, был такой случай однажды в стену полетел стакан. Но больше этого не повторится. Мы довели дело до чудовищного благородства. Один страдает оттого, что другой не вполне счастлив. Что еще нужно для полного совершенства? Не хватает одного - чтобы мой пол накинул на меня последнюю петлю...

Епископ. А именно?

Дон Жуан. Сделал меня отцом. Что мне тогда останется? Не могу же я ее винить! Как всегда, будем садиться за стол и говорить друг другу - приятного аппетита!

Входит Миранда, герцогиня Рондская.

Миранда. Я не помешала вам?

Епископ. Ну что вы, дорогая Миранда! Мы только что говорили о сошествии Дона Жуана в ад. (Дон Жуану.) Вы видели эту постановку в Севилье? (Миранде.) Они это показывают в театре.

Миранда. Постановка, вы сказали?

Епископ. Пьеса называется "Севильский озорник, или Каменный гость". Мне недавно пришлось ее посмотреть, потому что считается, что ее написал наш приор - Габриэль Тельес.

Миранда. Вам понравилось?

Епископ. Придумано довольно остроумно: Дон Жуана действительно поглощает ад, и публика испытывает ужас и сострадание. Вам обязательно надо посмотреть этот спектакль, Дон Жуан.

Дон Жуан. Посмотреть, как меня поглощает ад?

Епископ. А что еще остается театру? Показать правду - невозможно, ее можно только выдумать. Представим себе публику, которая увидела бы подлинного Дон Жуана - здесь, в его осенней лоджии, в Ронде! Дамы на обратном пути стали бы ликовать. "Вот видишь!" - говорили бы они своим мужьям. А мужья злорадно бы потирали руки - Дон Жуан под сапогом! Ведь необычайное нередко чрезвычайно смахивает на обычное. А где, закричали бы мои секретари, где же наказание? Таких недоразумений было бы множество. Какой-нибудь молодой фат, изображающий пессимиста, непременно бы стал разъяснять: "Брак - это сущий ад!" Не оберешься пошлостей! Было бы ужасно, если бы публике показали на сцене правду! (Протягивая руку.) Прощайте, герцогиня Рондская!

Миранда. Вам действительно надо уходить?

Епископ. Надо. (Протягивая руку Дон Жуану.) Прощайте, Севильский озорник!

Дон Жуан. Ее напечатают?

Епископ. Полагаю. Людям безумно нравится видеть человека, которому на сцене позволено делать все то, о чем они только мечтают, и которому в конце концов приходится за это поплатиться.

Миранда. А меня в этой пьесе нет, Диего?

Епископ. Нет.

Миранда. Слава богу!

Епископ. Меня в ней тоже нет. Слава богу, а то пришлось бы запретить эту пьесу, а театру она нужна позарез. Впрочем, я сомневаюсь, действительно ли ее написал Тирсо де Молина. Уж слишком все набожно в ней, да и стилистически она ниже уровня его прочих пьес. Но как бы то ни было...

(Кладет на стол астру.) Благослови господь вашу трапезу. (Уходит в сопровождении Дон Жуана.)

Миранда одна. Видно, что ей нездоровится. Она находит на полу книгу. Дон Жуан возвращается.

Миранда. Что случилось с книгой?

Дон Жуан. Да так...

Миранда. Это ты зашвырнул ее в угол?

Дон Жуан. Что это за книга?

Миранда. Ты только что спрашивал, напечатают ли ее. Вот смотри: "Севильский озорник, или Каменный гость".

Дон Жуан. Значит, он нам ее подарил.

Миранда. А зачем ты швырнул ее в угол?

Дон Жуан поправляет кресло.

Нам не пора обедать? (Садится.) Ты чем-нибудь недоволен?

Дон Жуан садится.

Ты несправедлив ко мне, Жуан.

Дон Жуан. Конечно, дорогая, конечно.

Миранда. Мне действительно надо было прилечь на минуту.

Дон Жуан. Выпьешь вина?

Миранда. Нет, спасибо.

Дон Жуан. Что так?

Миранда. У меня голова закружилась... Мне кажется, Жуан, у нас будет ребенок.

Дон Жуан. Ребенок...

Входит слуга.

Дождались наконец.

Слуга уходит.

Миранда Только не говори, что ты этому рад, Жуан. Но когда я увижу, что ты действительно рад, я буду счастлива.

Входит слуга с серебряным подносом и накрывает на стол.

Дон Жуан. Приятного аппетита.

Миранда. Приятного аппетита.

Молча едят.

Занавес медленно опускается.